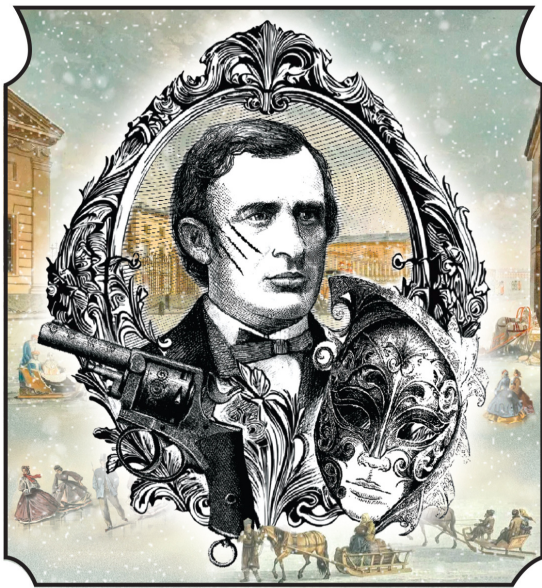

АНТОН
ЧИЖ

ДУЭЛЬ
СО СМЕРТЬЮ

Антон Чижа
Дуэль со смертью
Серия «Исторические
детективы Антона Чижа»
Серия «Родион Ванзаров»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69622558

Дуэль со смертью: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-192043-2

Аннотация

Девять детективных историй как девять поединков, каждый из которых заканчивается великолепным ходом сыщика. Дуэли, охота, непреднамеренные убийства и расчетливые злодеяния отражаются в зеркале времен: запутанные преступления девятнадцатого столетия и нынешнего века будут расследовать Ванзаров и другие любители загадок.

Сборник рассказов перенесет вас в дореволюционный Петербург и Италию во время пандемии, а также познакомят с удивительным творческим миром Антона Чижа – мастером детективного жанра.

Содержание

Игра крови	5
1	5
2	16
3	25
4	33
5	38
6	42
7	46
8	49
Пульчинелла	54
Ужасные сердца	100
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Антон Чиж

Дуэль со смертью

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
«Скупой рыцарь» А.С. Пушкин*

© Чиж А., текст, 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Отправляйтесь
в путешествие
по лабиринту
Ванзарова!

Игра крови

1

– Не знаю, право, как дотерпеть, – сказал Силин, блаженно потягиваясь.

Около трех часов дня 31 декабря 1898 года в приемном отделении сыскной полиции Петербурга было пустынно. Начальник сыска, статский советник Шереметьевский, еще в полдень отбыл под благовидным предлогом, оставив строгое распоряжение всем быть до конца присутствия, то есть до восьми вечера. Отлучаться дозволяется на вызовы и по срочным делам.

У чиновника Викторова тут же нашлись таковые в самом дальнем, Петергофском, полицейском участке города. Чиновник Коцинг обязан был сегодня кровь из носу побывать в окружном суде, где не проходило ни единого заседания. Чиновник Лукашук вспомнил, что ему надо срочно навести справки во Врачебно-полицейском комитете, хотя обычно неспешно отправлял туда запросы. Чиновник Власков ушел в Литовский замок¹ снимать допрос с арестованного вора,

¹ Тюрьма, располагавшаяся на углу Офицерской улицы и Крюкова канала, недалеко от сыскной полиции.

которого ничего не стоило доставить в сыск. Даже делопроизводителям Кузьменко и Ляшенко понадобилось в полицейский архив, где архивная пыль соскучилась без них.

Чиновники были заняты важнейшими делами службы. Что неудивительно: последний день года для них – тяжелое испытание. После трех дней рождественских праздников, пролетевших вихрем, в календаре выпало три присутственных дня. Предстоящий выходной новогоднего праздника, 1 января, казался глотком свободы и передышкой, так необходимой измученной чиновничьей душе, которой не хочется трудиться, а хочется веселиться. Как и любой человеческой душе.

Кроме Силина, который не сумел, как ни старался, выдумать благородный повод, чтобы улизнуть, в присутствии оставался еще один чиновник. Сидел он в дальнем углу за столом, кое-как втиснутым к окну. Чернильная ручка торчала знаком укора, призывая взяться за стопку неразобранных справок. Вместо этого он читал, разложив на коленке, приключения Одиссея на острове Итака. Читал в оригинале, как написал старик Гомер.

– Нынче наверняка ничего не случится...

– Идите домой, Силин, – сказал чиновник, не отрываясь от книжки.

– Но как же, еще часа четыре присутствия...

– Не тратьте это время зря...

Силин еще сомневался. Но искушение было слишком

сильно. Он живо представил, как отправится на Невский в магазин Николая Линдена, выберет симпатичный и недорогой подарок, кулончик или сережки из серебра, а потом полетит в уютное гнездышко, где чудесно встретит Новый год. А до этого еще успеет посидеть в кофейной или пропустит рюмочку в «Медведе»². Вечер манил многими удовольствиями.

– Но как же вас оставить?

– Подежурю в сумерках. Темноты не боюсь.

Нельзя отказаться от такой любезности. Тем более от господина с не самым лучшим характером. Другьями они не были. Аккуратно сложив бумаги стопкой, Силин встал и поправил галстук.

– Родион Георгиевич, где праздновать будете?

– Меня пригласили, – ответил Ванзаров, перевернув страницу.

Что было правдой отчасти. Пригласил его Гомер. Отказавшись от зазываний брата, впрочем не слишком настоячивых, как и призывов друзей, Ванзаров собирался встретить Новый год, как подобает истинному стоику: на диване с «Одиссеей». А утром 1 января хорошенько выспаться до полудня. Ванзаров не понимал логику: праздновать переход условной линии между месяцами. Между мартом и апрелем ничем не хуже. Какая разница, когда отмечать.

Пожелав весело проводить старый и встретить новый год,

² Популярный ресторан-кафе на Большой Конюшенной улице.

Силин вышел за дверь. Однако довольно скоро вернулся.

– Там в участке дама вас спрашивает. Провести?

Сыскная полиция размещалась на третьем этаже полицейского дома на Офицерской улице. Первый этаж занимал 3-й участок Казанской части. Все, кто хотел попасть в сыск, не могли миновать его.

– Дама спрашивает меня или сыскную полицию?

– Именно вас. Так и сказала: где мне найти господина Ванзарова по личному делу.

Визитов Ванзаров не ожидал. Тем более по личным делам. Отказать было невежливо. Не успел он закрыть книгу, как Силин вернулся с дамой и предусмотрительно исчез. Ванзаров предложил гостье стул. Она присела на краешке.

Требовалось несколько секунд, чтобы составить мгновенный портрет. Теплая шапочка с вуалеткой, прикрывавшей брови, соболиный полушубок, юбка английской шерсти, меховая муфта и облегающие перчатки, которые от мороза не спасали, но руки делали тонкими. Одежда новая, модная, недешевая. Дама не принадлежит к высшему аристократическому обществу, не из купцов или разночинцев, скорее – состоятельный средний класс. Жена преуспевающего чиновника или банкира. Ботиночки чистые, приехала на пролетке. В ушах серьги с рубинами. Как капельки крови. Держится спокойно, уверенно. Глаза карие, почти темные, взгляд цепкий, умный. Мгновенный портрет был бы чуть полнее, если бы дама не хлюпала носом, прикрываясь платочком бель-

гийского кружева.

– С кем имею честь? – Ванзаров втиснулся между стеной и столом.

– Мадам Половцева, жена коллежского советника Половцева из Центрального комитета иностранной цензуры...

С этим комитетом, входящим в Министерство внутренних дел, Ванзаров общения не имел. Знакомых у него там не было.

– Кто меня рекомендовал?

– Наш друг, Александр Иванович Уверский, из Врачебно-полицейского. Он сказал, что только вы помочь можете. У вас талант и репутация лучшего сыщика столицы. Если не вы, то уж никто не поможет...

Чиновника Уверского Ванзаров знал. Обычное знакомство, не более того. А к лести был равнодушен. Если не сказать – не переносил на дух. Особенно раздражало, когда его, чиновника сыска, называли сыщиком. Как какого-нибудь прохвоста из бульварного романчика.

– У вас что-то украли?

Не перестав шмыгать, Половцева покачала головой.

– Обстоятельства, которые вынудили обратиться к вам, значительно хуже...

Сейчас должно последовать обвинение мужа в измене, которое надо доказать, чтобы дама смогла подать на развод. Обычные семейные дразги. Чужим грязным бельем сыскная полиция не занимается.

– Что же случилось в вашем семействе? – спросил Ванзаров, предвидя ответ.

Мадам Половцева помедлила.

– Меня хотят убить.

Ванзаров согласно кивнул. В сыскную полицию регулярно обращались дамы и господа, которые были уверены: их преследуют, хотят изничтожить, медленно отравить, свести со свету или навести порчу. Чаще всего весной и осенью, во время обострений у тех, кого родственники ленятся содержать в лечебницах для душевнобольных. Зима и мороз обычно успокаивали взволнованные души. Вот только мадам Половцева не выглядела неуравновешенной истеричкой. Скорее наоборот: трезва и рассудительна.

– Это ваши подозрения?

– Не посмела бы тратить ваше время, господин Ванзаров, на пустые подозрения. Я точно знаю, что меня хочет убить мой муж.

– Подобному обвинению нужны факты.

– У меня они есть, – сказала Половцева, утирая носик. – Три месяца назад умерла моя подруга, мадам Щедрина, два месяца назад умерла другая моя подруга, мадам Сердечкова. Теперь настал мой черед.

Фамилии умерших ничего не говорили. Или дела закрывались приставами участков без помощи сыска, или их попросту не было. То есть смерть была признана естественной.

– Что случилось с вашими подругами?

– Они внезапно умерли. Причиной был поставлен сердечный приступ. Здоровые, молодые женщины умерли от сердца. Полиция не встревожилась. Хватило врачебного заключения.

– Полагаете, их отравили?

– Я в этом уверена. Как уверена, что пришел мой час. Если вы меня не спасете...

– Для того чтобы вновь открыть дело, требуется разрешение на эксгумацию. Прокурор потребует веских улик. У вас есть конкретные доказательства?

Раздалось тяжелое всхлипывание, дама сдерживала рыдание.

– У меня нет доказательств... Подруг не вернуть... Но я не хочу умереть сегодня, как они... Спасите меня...

– Вас должны убить сегодня? – спросил Ванзаров.

Она старательно промокнула глаза.

– Не верите мне... Понимаю. Так вот знайте, мадам Щедрина умерла на званом приеме, сидя за общим столом... Мадам Сердечкова упала замертво на балу, прямо посреди зала... Сегодня вечером я приглашена на новогодний банкет в ресторане «Донон»... на котором меня убьют. Я не доживу до утра. Можете не сомневаться.

– Отравить в публичном месте на банкете непросто...

– Муж не будет травить меня.

– Простите, тогда не вижу логики.

Мадам Половцева погрузилась в раздумья.

– До того как погибнуть, подруги успели рассказать мне... Это настолько странно, что трудно поверить. Вы слышали об «Одиссее»?

О легендарном герое Ванзаров много чего слышал. Мог даже процитировать. Он ждал пояснений.

– Вижу, слухи до вас не дошли, – продолжила Половцева. – «Одиссей» – нечто вроде тайного клуба, где членам помогают избавиться от жен. Чтобы наслаждаться свободой и независимостью. Беспощадные, циничные и безжалостные люди. Они убивают не ради денег, выгоды или наследства, а ради удовольствия. Ради безумной идеи мужской свободы... Каждый член клуба обязуется помогать в убийстве чужой жены. За это его жена погибнет будто бы естественной смертью. Я точно знаю, что мой драгоценный муж стал членом этого клуба. Меня может спасти только чудо. Или вы... Огласка бесполезна. Они не оставляют следов... Муж будет все отрицать...

Если мадам Половцева была не в себе, то умело скрывала болезнь. Ванзаров не нашел признаков вранья. У него имелось три инструмента нахождения истины: мгновенный портрет, майевтика и психологика. Мгновенный портрет дал все, что мог. Майевтика была бесполезна. А психологика применялась при выявлении преступника. Оставалась еще формальная логика, но она говорила, что такого быть не может: клуб мужей-убийц, почти тайное общество. А тайными обществами в Российской империи занималась полити-

ческая полиция. Совсем другой спрос.

– В чем должна заключаться моя помощь?

– Остановите убийцу! – с напором выкрикнула Половцева.

– У меня нет прав ни обыскать, ни допросить участников банкета.

– Ваше присутствие их остановит... Знаю, что по правилам клуба дается только одна попытка. Прошу вас принести ничтожную жертву: надеть смокинг, прибыть к девяти вечера в «Донон» и зорко следить за тем, что происходит за столом. Спасите меня, господин Ванзаров!

Сыскная полиция имеет дело с преступлениями совершенными. Нельзя арестовать преступника, когда он что-то замышляет. За мысли не арестовывают. Даже если в кармане у кого-то найдется пузырек с ядом, это не доказательство. Суд присяжных не поверит. К тому же действовать без разрешения Шереметьевского, хотя бы формального, Ванзаров не имел права.

– Могу дать совет, мадам Половцева: разрушьте план убийц. Не ходите на банкет. Уезжайте на ближайшем поезде в Москву. 2 января обещаю поговорить с вашим мужем.

Дама опустила голову и спрятала платок в рукав.

– Что ж, благодарю... На большее не рассчитывала... Утешайтесь, что вам будет легко расследовать мою смерть... Вы уже знаете, кто убийца... Пожалуйста, не дайте им уйти от возмездия...

Чтобы не разрыдаться, мадам Половцева закрыла рот ладошкой и стремительно выбежала.

Иногда чиновники сыска бывают беспомощны. Ни догнать, ни остановить, ни утешить Ванзаров не мог. Он не мог отправиться в Цензурный комитет, чтобы припугнуть чиновника Половцева: «Я знаю, что вы хотите убить жену под Новый год». Оставалось только проверить факты смерти Щедриной и Сердечковой. По сводкам полицейских участков за последние четыре месяца такие дамы не проходили. Вероятно, смерть в публичном месте не вызывала у докторов подозрений.

Однако расследовать убийство милой мадам Половцевой, если оно случится, совсем не хотелось. Ванзаров считал, что спасение жизни – достаточный повод, чтобы покинуть приемное отделение, оделся, запер дверь и спустился в участок.

Дежурный чиновник протянул письмо. Небольшой конверт дорогой атласной бумаги. В таких шлюют приглашения на свадьбу или званый прием. Внутри оказалась карточка, написанная от руки:

«Клуб «Одиссей» имеет честь пригласить господина Ванзарова на банкет в честь Нового года и новых приключений. Непременно ожидаем вас в зеркальном зале ресторана «Дон-нон» к девяти вечера. Обещаем незабываемый праздник».

Подписи не было. Почерк прямой, резкий, жесткий. Скорее мужской.

– Конверт оставила дама, что приходила ко мне? – спро-

сил Ванзаров.

– Часа два как лежит...

– От кого?

– Принес посыльный в форменной тужурке «Англия».

Гостинца невдалеке, на Исаакиевской площади.

На часах не было еще и четырех. Ванзаров прикинул, что успеет подготовиться основательно. Такое приглашение нельзя пропустить.

Последние шестьдесят лет ресторан «Донон» был знаменит отличной кухней, высокими ценами и вышколенными официантами артели касимовских татар. Располагалось заведение во дворе дома на набережной реки Мойки поблизости от Дворцовой площади и резиденции императора, Зимнего дворца. Что никак не сказывалось на публике. Гуляли и ужинали здесь разнообразные господа. Например, Петербургская академия наук ежегодно давала праздничный ужин для академиков.

В вечерний час общий зал ресторана был полон. В последнее время в Петербурге стало модно встречать Новый год в публичных местах большими компаниями, словно ставя жирную точку после рождественских гуляний. Впрочем, гулянья в столице, не в пример Москве, были умеренными и сдержанными. Как требовал дух военно-чиновной столицы. Публику развлекал румынский оркестр.

Среди гостей, заранее оплативших столик, виднелся крупный господин, которого почитали в ресторане за щедрые чаевые, а не за славу великого криминалиста. Несколько часов назад Лебедев внезапно воспылал желанием отпраздновать Новый год в «Дононе». Простому смертному отказали бы, но для него столик нашелся. Застольного приятеля Аполлона Григорьевича официанты будто не замечали. Что являлось

важным умением его службы. Старший филер Курочкин обладал редким свойством: оставаться незаметным, несмотря на чрезмерный рост. Даже в ресторане он умудрялся выпасть из поля зрения.

Ванзаров старательно не замечал этих двоих, не отказавших его просьбе. Мучился он не угрызениями совести: смокинг жал тисками. Ни вздохнуть, ни шею повернуть. Как в стальном панцире. Чтобы оглядеться, приходилось поворачивать корпус. Мучение хуже, чем стоять на приеме в Министерстве внутренних дел в официальном мундире со шпагой.

Осматривая зал, он заметил чиновника Уверского, который ужинал в одиночестве. Тот замахал, приглашая к себе. Ванзаров подошел, ответил на рукопожатие, садиться отказался.

– С кем встречаете Новый год?

– Я здесь по делу. По просьбе мадам Половцовой, – сказал Ванзаров.

На лице Уверского не отразилось ни удивления, ни благодарности. Будто впервые слышал фамилию.

– Мадам Половцева? Супруга Сергея Яковлевича? О чем она вас просила?

– Вы рекомендовали обратиться ко мне.

– Ах, да-да, вспомнил. Месяца три назад Елизавета Андреевна спрашивала меня: не знаю ли кого-нибудь из сыскной полиции... Ее стали одолевать страхи...

– Какого рода страхи?

– О, женщины всего бояться! – Он сдержанно улыбнулся. – Только дай им повод.

– Ее муж вступил в клуб «Одиссей». Повод достаточный? Уверский повел себя немного странно: оглянулся, будто за ним могли следить, и взял Ванзарова за локоть.

– Уже слышали? Что вам известно? – В его голосе мелькнуло игривое любопытство.

– А что вам?

– Если правда, что говорят о клубе... Как бы я мечтал стать его членом.

– Вам для чего? – спросил Ванзаров, помня, что Уверский овдовел года два назад.

– Отменное приключение! Члены клуба устраивают игры, в которых надо проявить смекалку и сообразительность. Подробности неизвестны, одни слухи, но кажется, нечто новое, волнующее кровь. Куда сильнее бильярда или карт. Как раз для поднятия тонуса в нашем тусклом и сыром климате. Обещайте рассказать, если что-то узнаете конкретное...

Ванзаров пообещал. Он подошел к дверям зеркального зала, тоже зеркальным. Перед ними возвышался столик с плоской медной чашей, в которой горел огонь. Метрдотель Мельпе поклонился, спросил приглашение. Ванзаров протянул карточку. Мельпе взглянул и бросил в огонь. Картон вспыхнул. Вокруг пламени лежали три бумажных огарка.

– Зачем сжигаете приглашения? – спросил Ванзаров.

– Таково условие хозяина вечера.

– Кто хозяин этого вечера?

– Прошу простить, но мы не раскрываем такие сведения. – Мельпе распахнул дверь. – Добро пожаловать, постараемся приложить все усилия, чтобы праздник стал незабываемым. Позвольте заметить, что меню составлено исключительно. Несколько перемен блюд: заливное из севрюги, «Сюпрен де войяльс» с трюфелями, волован «Тулиз Финасвер», рябчики, мороженое-шербет и свежие фрукты.

У гурмана должны были потечь слюнки. Ванзарову мешал смокинг.

Зеркальный зал представлял собой вытянутое помещение, стены которого покрывали сводчатые зеркала. Самое большое располагалось у задней стены, рядом с входной дверью. Небольшая сцена находилась на противоположном конце зала. Перед ней пылала медная жаровня, отчего в зале было чрезвычайно жарко. Ванзаров ощутил себя и в тисках, и в печке.

Он поклонился гостям. Собрались три семейные пары. Мадам Половцева взглянула и глазом не повела. Как будто не узнала в смокинге. Мучения Ванзарова были напрасными: из мужчин парадно одет был только он. Прочие обошлись удобными пиджаками. Дамы тоже не отличались праздничными туалетами. Скорее скромными, для семейного ужина, а не банкета. Мадам Половцева была в черном платье, не слишком вызывающем, без украшений. Только рубиновые капельки в ушах.

Банкет был накрыт на восемь персон. Таблички с фамилиями указывали порядок рассадки. Ванзарову досталось место в начале стола, почти у двери. Напротив него стояла табличка, которую можно было прочесть отражением в зеркале. Отраженные буквы сообщили о господине Одиссее. Кроме тарелок и приборов, в чашах с колотым льдом стояли кувшины лимонада. Ванзаров сдержал порыв налить бокал и жадно выпить.

За стол не сажались. Гости держались у зеркальных стен. Представить Ванзарова было некому. Он взялся сам. Господину Половцеву, который оказался ближе всего, представился полным чином. Тот приподнял брови и церемонно пожал руку. Следующим оказался господин Щедрин с супругой. Новый знакомый чинов не назвал, сообщив, что «служит в министерстве». Последним Ванзаров познакомился с господином Сердечковым, который рекомендовал себя как помещик. Супруга его, не слишком привлекательная, была вполне жива. Скорее молчалива. Впрочем, как и мадам Щедрина.

Мадам Половцева держалась в стороне, у сцены. Ванзаров подошел, поклонился.

– Вашу просьбу исполнил, – тихо сказал он.

На него взглянули так, будто он ляпнул несусветную глупость.

– Простите, не понимаю, о чем вы.

– Не позволю вас убить.

– Меня? Убить? Да о чем вы говорите?

– Примерно пять часов назад в сыскной полиции вы убеждали, что на вас готовится покушение...

– Вот как? Чрезвычайно странно, – сказала она неприязненно. – Не имею чести вас знать, господин...

– Ванзаров... – подсказал он.

– ...Ванзаров. В мыслях не было ходить в сыскную полицию. Тем более что приехала с мужем несколько часов назад из Москвы.

– Прошу простить, значит, ошибся, – сказал Ванзаров и отошел. Находиться около жаровни было невозможно.

Распахнулась дверь. Вошел метрдотель.

– Господа, хозяин вечера просил передать извинения, что задерживается, просит начинать без него.

Гости расселись, вошли официанты с большими подносами. На столе появились холодные закуски: грибы, огурцы, помидоры, пахнущие густым и крепким маринадом со специями. За ними – бутылки шампанского. В довершение перед каждым гостем поставили порционное блюдо с заливной севрюгой и соусник со сметаной. По взмаху метрдотеля на сцену вышел ансамбль венгерских цыган-скрипачей: восемь крепких мужчин с роскошными черными бакенбардами, в белых чулках и болеро, обшитых ярко-красными шнурками и разноцветным орнаментом. Дирижер, господин Риго, одетый не менее броско, с сильным акцентом пообещал сделать вечер незабываемым. Официанты наполнили гостям бокалы и удалились.

Оркестр заиграл бравурную венгерскую мелодию. Никто не решался поднять бокал. Рядом с Ванзаровым оказался господин Щедрин. Между ним и господином Половцевым сидела мадам Сердечкова. На другой стороне стола господин Сердечков оказался между дамами: по правую его руку – Щедрина, по левую – Половцева. Елизавета Андреевна сидела наискосок от Ванзарова и напротив мужа. Она положила в тарелку горку грибов и соленых огурцов и принялась поглощать так жадно, будто не ела с самой Москвы. Глядя на нее, прочие гости стали накладывать маринады и ковырять вилками в севрюге. Ванзаров налил себе фужер соблазнительного лимонада, но не притронулся. Атмосфера за столом мало походила на дружеский банкет. Если бы не цыганские скрипки – скорее поминки, а не новогодний праздник.

Севрюга призывала насладиться ею, но Ванзаров посматривал на гостей. Зеркала позволяли следить не только за теми, кто сидел перед ним, но и за соседями. Как вдруг Половцева подмигнула ему. Ванзаров ответил прямым взглядом. Она подмигнула еще раз, что можно было расценить как извинение. И благодарность за помощь. Молчаливую, но искреннюю. И за подвиг в смокинге.

Посреди популярной мелодии Штрауса распахнулась дверь, в зал быстрым шагом вошел молодежавший господин. Щеки его покраснелись, прическа слегка потрепана, как будто он взъерошил волосы.

– Лиза! – вскрикнул он. – Наступает Новый год, и я, Ар-

нольд Кошляков, не желаю больше лжи и фальши! Нашу любовь нельзя скрывать! Я хочу, чтобы все знали: я люблю тебя, как солнце! Ты моя и будешь принадлежать только мне!

Челюсть господина Половцева отвисла, он замер с вилок, на которую нацепил кусок севрюжины. Мадам Половцева выронила салфетку, привстала и рухнула на пол. Ванзаров подоспел к ней, потрогал шейную вену. Пульс был. Елизавета Андреевна находилась в обмороке.

– Нашатырь! – крикнул Ванзаров растерявшемуся официанту, который вносил новое блюдо. И, не дожидаясь, применил верное средство от обмороков: отшлепал по щекам. Половцева вздрогнула, открыла глаза.

– Спасибо, – одними губами произнесла она. – Впереди самое интересное.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Ванзаров, помогая ей встать.

– Благодарю вас, – ответила она, садясь на стул.

– Налить лимонада?

– Нет-нет, не нужно. – Половцева оправила сбившееся платье.

Никто из гостей не покинул мест. Господин Половцев напряженно разглядывал тарелку. Виновник обморока стоял в некоторой растерянности среди зеркальных отражений.

– Господин Кошляков, прошу вас покинуть зал, – сказал Ванзаров.

Любовник схватил фужер, наполнил до края лимонадом

и проглотил залпом.

– Я жду тебя, Лиза, в небесах нашего счастья! И готов ждать вечно...

Сделав столь важное заявление, он пробежал мимо официанта, который принес пузырьки нашатыря.

– Господа, продолжайте играть, – сказал Ванзаров дирижеру по-немецки. Господин Риго кивнул, взмах его палочки запустил венский вальс. Никто не вышел из-за стола.

Ванзаров вернулся на свое место, зачерпнул ложкой сметану, поместил на заливное, отломил вилкой кусочек и положил в рот. После чего тщательно вытерся салфеткой и отложил ее комком в сторону.

Он наблюдал за Половцовой. Обморок не прошел бесследно: Елизавета Андреевна была бледна, покачивала головой. Она поглощала маринады, будто заглушая лютый голод. Как вдруг дернулась, съежилась, вскрикнула и повалилась на пол. Выскочив в большой зал, Ванзаров подал условный знак тревоги. Чтобы не пугать гостей полицейским свистком.

Аполлон Григорьевич принялся опускать закатанные рукава сорочки.

– Все, что мог, – сказал он, глядя в раскрытый зев желтого саквояжа.

Великий криминалист был мрачен. По большей части имея дело с трупами, он считал делом чести спасти жизнь, когда возможно, зная и умея больше любого доктора. И сильно печалился, если чужая жизнь выскальзывала из его рук.

Мадам Половцева лежала неподвижно в бурой луже. Промывание желудка не помогло. Кожа ее приобрела бледный оттенок. Глаза равнодушно смотрели в фигурный потолок, руки раскинулись вдоль тела. Вокруг губ остались следы белесой пены, по подбородку стекала обильная слюна. Выражение, застывшее на лице, говорило не о страхе, а о мире и покое.

– Сердечный приступ? – спросил Ванзаров.

Лебедев с силой застегивал пуговицы на жилетке.

– Сами не видите? – огрызнулся он. – Сильнейшее отравление.

– Какой яд?

Гроыхнув содержимым саквояжа, Лебедев засунул пузырьки темного стекла.

– Наверняка скажу при вскрытии. Мышьяк, синильную

кислоту, цианистый калий и прочую ерунду можно исключить. Дигиталис тоже.

– Она ела маринованные грибы.

– От грибного яда дама мучилась бы несколько часов, я бы ее спас. – Лебедев кивнул на гостей, которые сбились около сцены. – Эти тоже ели – и ничего, живехоньки. Бедняжка получила нечто слишком сильное...

– Примерно пять часов назад ее мучил насморк, последний час за ней наблюдал я, – сказал Ванзаров. – Какой яд может дать такую реакцию примерно через час после приема?

Аполлон Григорьевич не имел готового ответа. Что с ним случилось нечасто.

– Не уберегли мы с вами женщину, – только сказал он.

– Сможете быстро проверить блюда и напитки?

Выразив глубокое неудовольствие, Лебедев извлек из саквояжа коробочку с реактивами. Он подошел к столу, разглядывая севрюгу, маринады, шампанское и лимонад с видом волка, пробравшегося в овчарню и не решившего, каким ягненком полакомиться первым.

– Начните с моего соусника и салфетки, в которую сплюнул сметану, – посоветовал Ванзаров и поманил Половцева.

Печальный муж прятался за спинами гостей. Подойдя к Ванзарову, он старательно прятал глаза.

– Жду ваших объяснений, Сергей Яковлевич...

Половцев вздрогнул, как от озноба.

– Какие пояснения?

– Каким образом отравили вашу супругу.

– Я отравил? – изумился Половцев. – Да как вам такое в голову могло прийти!

– Днем Елизавета Андреевна пришла в сыскную полицию и заявила о своих подозрениях: она была уверена, что сегодня на банкете будет отравлена. Что и случилось. Отравлена по вашему поручению вашими друзьями...

– Значит, я поручил? – прошептал он.

– По статье 732 «Уложения о наказаниях» виновные в убийстве с обдуманном заранее намерением или умыслом, когда оное учинено посредством отравления, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет... Только полное признание смягчит вашу участь, господин Половцев.

Чиновник Цензурного комитета схватился за голову, как провинциальный трагик.

– Боже мой, что я наделал! – вскричал он. – Какую глупость совершил! Это будет мне наказание за жадность... Простите, господин полицейский, что обманул вас! Обман невольный и казался мне, неразумному, безобидным... Простите меня...

Половцев молитвенно сложил руки. Не часто преступники каялись вот так сразу после зачитывания статьи Уложения о наказаниях. Ванзаров не знал, что закон имеет такую магическую силу.

– Готовы дать признательные показания?

– Готов! – с жаром раскаяния сообщил Половцев. – Скажу как есть. Ничего не тая.

– Извольте начинать.

– Никогда не был мужем этой женщины, увидел сегодня ее впервые... Я не Половцев, а Иван Сергеевич Замятин, вот извольте убедиться. – Убийца протянул паспортную книжку.

Псковский мещанин был зарегистрирован в петербургской полиции, как полагается любому приезжему в столице. Местом его проживания была дешевая гостиница на Выборгской стороне.

– Вы актер? – спросил Ванзаров, закрыв и не вернув паспорт.

Половцев, а вернее, Замятин поклонился.

– Так точно-с... Игруем в провинциальных театрах и антрепризах... Извольте видеть мой лучший сценический костюм. Для ролей героев-любовников...

– Кто и когда вас нанял?

Обретя уверенность, что каторжные работы в рудниках ему не грозят, Замятин принялся рассказывать бурно и подробно.

Примерно неделю назад в Пскове его нашел незнакомый господин, имени которого Замятин не знал, и предложил непыльную работу: приехать в Петербург и принять участие в игре. Театр, в котором зрители и актеры играют на сцене жизни. Ему следовало изобразить чиновника средней руки на новогоднем банкете. Никаких особых условий: чистая им-

провизация. Общаться, есть, пить, быть любезным. Замятину сообщили, что у него будет «жена», которую сыграет петербургская дама. Проявлять к ней интерес нельзя. Для роли запомнить фамилию с именем-отчеством. Важно, чтобы не было заметно фальши, все должно быть натурально и естественно, как в жизни. Постоянного ангажемента на зимний сезон у Замятина не было, платили хорошо: триста рублей. Он согласился.

– И вот, извольте видеть, чем кончилось, – с драматической ноткой заявил он.

– Что происходило, когда вошли в ресторан?

– Ничего особенного... Отдал метрдотелю приглашение, которое тот сжег, вошел в зеркальный зал. Там уже была вот эта бедная дама. – Замятин невольно покосился на тело и сразу отвернулся. – Она не позволила ручку поцеловать, сказала, чтобы вел себя так, будто мы в ссоре.

– Она вам так сказала?

– Совершенно верно-с.

– Что делала мадам Половцева?

– Ничего-с... Ходила из стороны в сторону. Репетировала большое волнение. На мой вкус, слишком переигрывала.

– Она принимала какие-нибудь лекарства?

Замятин выразительно задумался, как принято герою-любовнику.

– Не могу быть уверен... Так было жарко, что думал только о лимонаде. Но мадам не позволили налить кувшин...

– Семейства Щедриных и Сердечковых появились после вас?

– Совершенно верно-с, господин полицейский... Не изволите вернуть паспорт?

Ванзаров не изволил.

– Мадам Половцева указывала им, что делать? – спросил он.

– Зачем же, они и так осведомлены.

– Тоже провинциальные актеры, ваши коллеги?

Замятин принял гордую осанку.

– Да, актеры, господин полицейский. Извольте видеть, очень недурные актеры. Наши псковские таланты. Могут сыграть любой водевиль, любую драму. Публика будет в восторге.

– Вы их подрядили или тот господин?

Прозорливость показалась Замятину немного пугающей.

– Я-с, – робко проговорил он. – По просьбе того господина... С деньгами все честно.

Актерские гонорары не волновали Ванзарова. Он задумался ненадолго, но глубоко. Чего требовала психологика.

– Ваш наниматель – это тот господин Кошляков, что ворвался сюда и громогласно заявил о своей любви?

С плеч Замятина будто тяжкий груз свалился.

– Уж не знаю, как догадались, но именно так, – сказал он, улыбаясь. – Господин предупредил, что если увижу его, чтоб не смел узнать... Когда он устроил такую сцену с признани-

ем, я прямо не знал, как себя вести... Этакая коллизия! Прямо как в водевиле...

Вернув паспорт, Ванзаров потребовал, чтобы псковская труппа отправилась в боковую комнатку, где уже сидели венгерские цыгане со своими скрипками и дирижером, и не высовывала оттуда носа. Он же подошел к Лебедеву. Криминалист вытащил из пробирки пинцетом обмытые белесые шарики размером меньше пилюли.

– В вашем соуснике добавка нашлась... В сметане почти не видно... Ну, и язык у вас чуткий, сумели почувствовать и выплюнуть...

– Язык тут ни при чем. Зеркала помогли, – сказал Ванзаров, указывая на стену.

Лебедев обернулся к нему.

– Успели заметить, как подсыпали?

– В отражении.

– Кто-то из актеришек подсыпал?

– Фальшивый любовник постарался.

– Дело принимает другой интересный оборот. Раскрыть бы убийство до наступления полуночи и Нового года. Жаль пропустить праздник. Да и кухня в «Дононе» отменная... Так успеем?

– Вероятность есть, – ответил Ванзаров. – Важно определить, что в пилюлях.

– Можете не сомневаться, друг мой...

Судя по сдвинутым бровям, Аполлон Григорьевич был

настроен более чем решительно. Он жаждал взять реванш у смерти, которая опять обыграла его.

По обыкновению, Курочкин возник из воздуха. Ванзаров спросил, куда делся господин, что вошел в зеркальный зал, а потом стремительно выбежал из него. От филера нельзя было укрыться. Тем более господин Кошляков не покидал ресторан, четверть часа назад отправился в мужскую уборную, из которой до сих пор не выходил. Видно, живот скрутило. Ждать его возвращения Ванзаров не мог. Вместе с Курочкиным он вошел в помещение, отделенное от гардероба плотным занавесом. Пол был покрыт плиткой в шашечку, напротив рукомойников выстроилась шеренга дверей, ведущих в отдельные кабинки. Около ближней туалетный прислужник, пожилой мужчина благообразного вида, с полотенцем, перекинутым через руку, приложил ухо к двери.

– Господин до сих пор в ватерклозете? – спросил Ванзаров.

– Что-то задержался, – ответил прислужник. – Может, дурно стало...

– Слышали, как его рвало?

Прислужник выразил согласие молчаливым кивком.

Ванзаров забарабанил в дверцу:

– Кошляков, откройте!

В кабинке было тихо. Ванзаров приказал вскрывать дверь. Чем привел прислужника в смущение:

– Как можно-с... Неприлично...

– Я чиновник сыскной полиции, намерен арестовать подозреваемого. Открывайте, или вышибу дверь. Весь ресторан услышит.

– Рад бы услужить, но там щеколда...

Без лишних слов Курочкин извлек хитро загнутую проводочку, какую отобрал у домушника, просунул в щель, повернул и толкнул от себя. Штырь щеколды выскочил из гнезда. Филер распахнул дверь.

Кошляков стоял на коленях. Лицо свешивалось в ватерклозет, густо облепленный смесью желто-бурого цвета. Зрелище исключительной мерзости. Даже Курочкин, повидавший всякого, сдержанно кашлянул. Ванзаров потрогал пульс на шее и запястье. Пульса не было.

Приказав Курочкину никого не подпускать, пока Лебедев не осмотрит, Ванзаров выволок прислужника, которому стало плохо, и усадил на стул, чтобы старик отдышался на холодке. Очень кстати появился метрдотель, и без того встревоженный тем, что случилось в зеркальном зале. Мельпе боялся, что в большом зале узнают о происшествии, начнется паника. Праздничный вечер будет сорван, да и найдется немало гостей, которые сбегут, чтобы не платить. Огласка метрдотелю была не нужна.

– Господин Ванзаров, мне донесли, что вы из сыскной, – начал он.

– Вопросы, господин Мельпе, задаю я. Отвечайте точно,

четко и по существу.

– Да-да, как вам будет угодно.

– Банкет в зеркальном зале оплатил господин Кошляков?

Ответ метрдотелю дался с некоторым трудом. Видимо, за соблюдение тайны получил дополнительное вознаграждение.

– Никак нет-с... Его заказала и оплатила... мадам Половцева...

– Вышло рублей на восемьсот?

– Чуть более... Полторы тысячи... Включая цыганский оркестр...

Сумма существенно превышала годовое жалованье чиновника Цензурного комитета Половцева.

Вероятно, у мадам Половцевой имелся свой капитал.

– Когда был сделан заказ?

– Третьего дня... Позже у нас было все занято... Стало популярно встречать Новый год в ресторане.

– В котором часу мадам Половцева появилась?

– Около восьми... Только начали накрывать...

– Она заходила на кухню проверять, как готовятся блюда?

Мельпе выразил глубокое возмущение.

– Что вы, господин Ванзаров. Это категорически запрещено. Только я имею право...

– Мадам указала, где именно расставить гостевые карточки?

– Именно так-с...

– Карточки сами печатали?

– Дело привычное, даем в типографию заказ.

– Кроме сообщения о запаздывающем хозяине вечера, что еще должны были сказать гостям?

Мельпе пожал плечами:

– Ничего-с... Только это... Далее следить за переменами блюд.

– Пожелания по приготовлению блюд?

– Ничего особенного... Разве только мадам просила сделать лимонад как можно кислее, добавив тройную порцию лимонной кислоты...

– А маринады?

– Тоже ее пожелание: сделать на крепком уксусе, подать прежде холодных закусок... Немного странно, но желание клиента для нас священо...

– Заметили, с кем Половцева общалась до банкета?

– Прошу простить, у меня столько дел... Некогда следить... Кажется, мадам выходила в большой зал, не могу быть уверен... А что случилось в мужской комнате?

– Гость умер на ватерклозете.

Ответ привел метрдотеля в состояние глубочайшей оторопи.

– В ваших интересах, чтобы об этом не узнали гости, – продолжил Ванзаров. – Сделайте так, чтобы официанты отводили всех отсюда.

Метрдотель поклялся самолично держать и не пускать.

Два трупа в один вечер для него было непосильным испытанием. И в такой вечер! Что будет с репутацией «Донона» в наступающем году?

Судя по всему, Аполлон Григорьевич готовил сенсацию.

– Ну как, поймали вашего отравителя? – спросил он, хитро прищуриваясь.

– Его поймали раньше меня, – ответил Ванзаров.

Соображать Лебедев умел стремительно. Иначе не стал бы великим криминалистом.

– Мертв?

– Лежит в туалете. Его вывернуло наизнанку. Полчаса назад он ворвался сюда, заявив, что не может скрывать любовь к госпоже Половцовой. Вам определять яд.

Ванзарову пришлось удержать криминалиста, чтобы тот не побежал с саквояжем в мужскую комнату. Когда Лебедеву не терпелось заняться делом, он не слушал доводов разума.

– Как вас понимать, друг мой? Два трупа – а мы выжидаем?

– Это необходимо, – ответил Ванзаров. – Убийца до сих пор в зале. Если начнется суматоха, он уйдет. Поймать его будет практически невозможно. Доказать вину – тем более. Там дежурит Курочкин и кордон официантов. К трупу Кошлякова никто не притронется.

Аргументы подействовали, Лебедев остыл.

– Этот Кошляков ел грибы со стола? – спросил он.

– Опрокинул полный фужер лимонада...

– Лимонад, – повторил Лебедев, пребывая в раздумьях.
– Аполлон Григорьевич, нашли что-нибудь?
– В севрюме – желатин, в грибах – уксус. В шампанском – углекислый газ, в лимонаде – сахар. Безобидные пищевые вещества...

– А пилюли из моего соусника? – спросил Ванзаров.
– Вот это интересно. Под оболочкой содержится мельчайший порошок белого цвета с желтоватым оттенком, если посмотреть под микроскопом – как ломаные кристаллы.

– У вас микроскоп с собой?
– У меня знания, друг мой.
– Что говорят ваши знания?
– Hydrargyrum chloratum, или хлористая ртуть. Или сладкая ртуть. Более известная как каломель.

– Насколько помню, это лекарство, продается в аптеках.
– Различие в дозировке. Съесть одну пилюлю – будет польза. А если горсть, как вам подсыпали, – большой вред.
– Но не смертельный?

Лебедев кивнул:

– Каломель переходит в Hydrargyrum bichloratum, то есть в сулему, если входит в соприкосновение с лимонной кислотой. Суточная доза сулемы – 0,01 центиграмм. В горсти пилюль доза была превышена многократно. То есть однозначно смертельная доза.

– А в лимонаде как раз лимонная кислота, – сказал Ванзаров. – Почти тройную порцию положили по просьбе мадам

Половцевой. Она любит покислее.

Лебедев, торжествуя, вскинул руку.

– Конечно! Вы съедаете севрюгу со сметаной и каломелью, вам жарко, вы запиваете лимонадом. В вашем организме начинается мгновенная реакция. В судебно-медицинской литературе описаны случаи, когда прием вишневой настойки с приемом пилюль каломели приводил к смерти. Что и понятно: в вишневой настойке содержится синильная кислота в незначительном количестве. Она взаимодействует с каломелью, обращая ее в синеродистую ртуть... Смерть от соединения каломели и лимонной кислоты тоже описана. Счастье, что вы не пьете лимонад, а пьете водку. Я всегда говорил: водка – лекарство от всех болезней.

Ванзаров взглянул на безобидный кувшинчик лимонада. Как хотелось выпить холодного напитка.

– Надо предположить, что мадам Половцева знала, что ей нельзя пить лимонад, – сказал Ванзаров. – А господин Кошляков не знал...

– Неужели?

– Половцева отказалась освежиться после обморока. Остается логически предположить, что она выпила изрядную порцию каломели перед этим. Берегла себя. А вот Кошляков наверняка знал, но в порыве забыл... И умер над ватерклозетом.

Аполлон Григорьевич поморщился, как от лимонада, который терпеть не мог.

– Зачем женщине самой себя травить?

– Отравила наполовину: она не пила лимонад.

– Но ела грибы! – воскликнул Лебедев. – Они маринованы в таком крепком уксусе, что издалека слышно. Каломель в соединении с уксусной кислотой дает такой же эффект, что и с лимонной. Даже сильнее... Надежная причина смерти...

– Она не знала о действии уксусной кислоты, – сказал Ванзаров. – Вот в чем дело... Придется срочно разыскивать ее мужа...

– Чего его разыскивать? Сергей Яковлевич в зале сидит, с друзьями пирует за два стола от моего... Мы с ним расклялись... Славный малый из Цензурного комитета...

Ванзаров сдержал возмущение.

– Знакомы с мужем Половцевой – и молчите?

– Но вы же не спрашивали? – ответил Аполлон Григорьевич с невинным выражением лица.

Господин Половцев действительно оказался славным малым. Ванзаров выдернул его из-за стола посреди общего смеха, вызванного остроумным рассказом. Сергей Яковлевич покинул друзей, посмеиваясь. Он радостно принял новое знакомство, ничуть не удивившись чиновнику сыскной полиции. Все-таки в одном министерстве служат.

– Вам знаком некий господин Кошляков? – спросил Ванзаров.

Половцев принял вопрос за новую шутку.

– Знаком ли мне родной брат моей жены? Знаком ли мне мой милый шурин? Ну и вопрос, Родион Георгиевич. Насмешили...

– Он с вами за столом?

– С нами! – радостно сообщил Половцев. – Где же Арнольду еще быть! Убежал только куда-то, сейчас вернется... Все бежит, не может усидеть на месте...

– Не заметили, что Кошляков ел или пил?

Половцев откровенно засмеялся.

– Заметил! Арнольд ел и пил все, что было на столе! Давайте к нам? У нас весело...

– Прощу простить, дела, – ответил Ванзаров. – Где ваша супруга?

– Лиза? – спросил Половцев, будто у него было несколько

жен. – Так она в Москве, сразу после Рождества уехала проведать мать и сестриц. У них там московское гнездо...

– Будьте любезны пройти со мной...

Приоткрыв дверь зеркального зала, Ванзаров пропустил Половцева. Тело загораживал стол. Лебедев распорядился, чтобы его накрыли простыней. Ванзаров подвел Половцева, откинул край, укрывавший лицо. Половцев замер, челюсть его отвисла.

– Лиза... Лиза... Лизонька... – проговорил он.

Пришлось удерживать, чтобы Половцев не бросился на тело жены. По щекам его текли слезы, он всхлипывал и причитал. Если игра, то это выше вершин мастерства. Горе Сергея Яковлевича было слишком искренним. Налить ему лимонада Ванзаров не решился, усадил на первый попавшийся стул. Сел рядом.

– Примите мои соболезнования, – сказал он.

Закрыв ладонями лицо, Половцев вздрагивал.

– Понимаю, как вам тяжело. Обязан задать вопросы, чтобы поймать убийцу, – продолжил Ванзаров. – Вы позволите? Сергей Яковлевич еле заметно кивнул.

– Сегодня днем ваша супруга пришла ко мне и заявила, что вы хотите ее убить.

Половцев отнял ладони. Лицо его пропиталось слезами.

– Я... Убить... Лизу... Мою Лизоньку... Любовь всей моей жизни... Да вы в своем ли уме? Мы венчались по любви... Жили душа в душу... Собирались детишек завести... Какая

глупость... Как она здесь оказалась?

Ванзаров не стал раскрывать, что мадам Половцева три дня как приехала, позавчера заказала в «Дононе» банкет.

– Выясняем, – ответил он. – Елизавета Андреевна рассказывала о клубе «Одиссей»?

Растерев глаза докрасна, Половцев засопел.

– Лиза говорила, что есть какой-то замечательный новый клуб, где можно весело проводить время. Обещала меня туда привести.

– У вашей жены имеются свои деньги или личный счет в банке?

– Наши деньги хранятся на моем счете... У нас все общее. Я выдал ей на дорогу значительную сумму.

– Сколько именно?

– Триста рублей.

– Ваша жена принимала пилюли каломели?

– Точно не знаю... Ей какой-то доктор прописал мочегонное или желчегонное, не помню.

– У кого она могла остановиться, вернувшись из Москвы?

Половцев пожал плечами:

– Ума не приложу... У брата точно не могла: у Арнольда квартирка маленькая... Разве гостиницу сняла...

Вошел Лебедев, показал знаками, что хочет немедленно сообщить что-то важное. Ванзаров проводил Половцева до двери, просил подождать в зале. Среди друзей горе переносить легче.

– Бедняга, – сказал Лебедев ему вслед. – Так вот, друг мой: этот ваш отравитель Кошляков сам отравлен каломелью. Вскрытие укажет точно, но внешний осмотр говорит об этом.

Взяв фужер, Ванзаров наполнил его до краев лимонадом.

– Не считите, Аполлон Григорьевич, за дерзость с моей стороны. Прошу вас позвать из зала одного господина.

Уверский вошел в зеркальный зал в прекрасном расположении духа. Ему было лестно, что сам великий Лебедев пригласил и ведет под локоток. Он поклонился Ванзарову, который пил лимонад большими глотками.

– Такая жара, что не могу остановиться, все пью и пью. Не желаете?

От лимонада Уверский вежливо отказался.

– У вас стол накрыт, а гостей нет, – добавил он.

– Гости мертвы, – сказал Ванзаров. – Изволите взглянуть?

Предложение было неожиданным. Уверский оглянулся на Лебедева, будто ища поддержки. Аполлон Григорьевич был строг и непроницаем.

– Ну, если настаиваете...

– Именно так, настаиваю... Вы же не только чиновник Врачебно-полицейского комитета, но и врач. Умеете лечить людей. На чем специализируетесь?

– Терапия внутренних болезней, – ответил Уверский.

– Благородно. Взгляните на труп...

Над лежащим телом Ванзаров приподнял простыню.

Уверский глянул и отвернулся.

– Какая трагедия: это же госпожа Половцева...

– Трагический спектакль, – Ванзаров опустил белую ткань. – Унес две жизни.

– Ужасно, ужасно. Но почему вы показываете мне?

– Дело в том, что автор этого спектакля мне известен, Александр Иванович.

– Неужели? – Уверский мирно улыбался.

– Блестящая идея преступления: чиновник сыскной полиции должен расследовать свое же убийство, не зная, что умирает.

– Не понимаю, о чем вы...

– Господин Кошляков погиб в мужской комнате, он ничего не мог рассказать. А вот Елизавета Андреевна успела дать показания. Нам известен автор двух смертей, господин Уверский.

Чиновник Врачебно-полицейского комитета не отпускал улыбку.

– Вы ошибаетесь, господин Ванзаров.

– Трудно разглядеть истину, когда она перед глазами. Все просто: Кошляков находит в Пскове актеров, Половцева снимает зал в «Дононе», чтобы устроить фальшивый банкет. Я выбран в качестве достойной мишени. Вы кормите Кошлякова и Половцева пилюлями каломели под любым благовидным предлогом, например как противоядие, и предупреждаете не пить лимонад. Но забываете сказать, что нельзя есть маринады, в которых уксусная кислота. Кошляков разыгрывает приступ влюбленного и сыплет мне в соусницу гость пилюль, в горячке выпивает лимонад. Наверняка вы сказали ему, что это невинная шутка: господина полицейского хоро-

шенько пронесет, да и только... На один вопрос нет разумного ответа: зачем вам понадобилось убивать меня? Зачем придумывать клуб «Одиссей»?

Уверский слушал, медленно кивая.

– Жаль, жаль, господин Ванзаров, что вы ничего не поняли. С тем и оставайтесь. – Он сунул руку в нагрудный карман, бросил что-то в рот и с силой раскусил. Что-то хрустнуло со звуком ореховой скорлупы.

Бросившись к нему, Лебедев сильнейшим захватом стал разжимать челюсти. Уверский отпихивал его руки.

– Он яд проглотил! – закричал Аполлон Григорьевич. – Помогайте!

Ванзаров принялся помогать, чем мог. Было поздно...

До наступления Нового года оставалось четверть часа. Метрлотель умолил оставить тела Половцовой и Уверского в зеркальном зале, чтобы не пугать гостей. Тело Кошлякова получилось незаметно вынести и отправить в полицейский участок. Лебедев остался с Ванзаровым. Курочкин был на страже у дверей.

Аполлон Григорьевич, не стесняясь, поедал порции севрюжины, закусывая грибочками. Аппетит его был силен и крепок, как всегда. Ванзаров к еде не прикасался, сидел в раздумьях.

– Что печальны, друг мой? – спросил Лебедев, работая мощными челюстями.

– Нелогично и нелепо.

– Что именно?

– Зачем убивать меня? Никаких дел, ни плохих, ни хороших, между мной и Уверским не было. Здравовались на приемах в министерстве.

– Кто-то попросил об одолжении. У вас врагов множество.

– Если Уверский хотел убить меня, мог найти десяток более простых способов.

– Всякое бывает, – сказал Лебедев, вытаскивая из зубов рыбью косточку.

– Не бывает, – ответил Ванзаров. – Половцева потратила

полторы тысячи на банкет, еще столько же, чтобы нанять актеров... Таких свободных денег у нее не было... Откуда они взялись? Логично предположить: Уверский финансировал. Моя голова не стоит трех тысяч.

– Вы себя не цените...

– Любой беглый каторжник с Горячего поля пырнет ножом за пятерку. Мало того, Половцева втянула родного брата в авантюру. Втайне от любящего мужа приехала в Петербург, остановилась в «Англии». Пришла ко мне, чтобы заманить наверняка, зная, что на приглашение неизвестного клуба не поддамся. Отправила посыльного из гостиницы... И ради чего? Получить мой труп?

– За ваш труп многие готовы заплатить.

Можно расценить как комплимент. Логика считала по-иному.

– Так убийства не делают. Слишком сложно и непредсказуемо. Если бы я не пришел на банкет? Все напрасно? Половцева и Кошляков остались бы живы, но как устроили бы вторую попытку покушения на меня?

Аполлон Григорьевич отправил в рот порцию грибков.

– Выходит, не было красивой идеи: сыщик... прошу прощения, чиновник сыска погибает, расследуя свое убийство?

– Идея была. Наверняка. Как дополнение к главной игре.

– Игре? Что еще за игра?

Не было доказательств, только логическая цепочка. И оценка характера Половцевой психологией. О чем в при-

сутствии Лебедева лучше не заикаться. Психологику великий криминалист упрямо считал лженаукой. Ревнуя ее за победы.

– Единственное предположение, – в раздумьях сказал Ванзаров.

– Не томите, друг мой. – Криминалист вкусно причмокивал.

– Простой вопрос: почему Половцева сделала вид, что не знает меня, а потом подмигнула за столом? Для ее характера – откровенная странность.

– Волновалась, запуталась.

– Это нелогичный ответ.

– Неужели?

– Половцева не ошиблась и не испугалась. Потому что все случившееся, весь спектакль – это не покушение на меня лично.

– А что же?

– Дуэль. Честная дуэль с правилами и секундантами. Убийцы Половцева и Кошляков приняли каломель. И я должен был принять пилюли каломели. В живых остается победитель дуэли. А господин Уверский вроде арбитра. Секунданта. Половцева честно дала мне шанс уйти: я мог обидеться на ее глупую забывчивость. Когда подмигнула, дала сигнал: мы в игре, дуэль началась. Только она забыла мелкую деталь: зеркала в зале отражают то, что происходит за спиной. Без каломели лимонад был не оружием дуэли, а просто

лимонадом.

Лебедев тщательно вытер рот салфеткой.

– Красиво, но никаких доказательств...

Ванзаров встал.

– Доказательство есть, – сказал он и подошел к телу Уверского.

Обыскав внутренние карманы пиджака, он вынул запечатанный конверт. На лицевой стороне имелась надпись чернилами: «Победителю».

– Это что такое? – спросил Аполлон Григорьевич, разглядывая послание.

– Приз, который секундант должен был вручить мне.

– Почему же не отдал?

– Его опечалил результат дуэли.

– Неужели?

– Вероятно, он сделал большую ставку на мою смерть. И проиграл. В этом клубе могут развлекаться опасными пари.

– Ставки были высоки?

– На мою смерть – наверняка. Тот, кто поставил, что уцелею, много выиграл.

– Эх, вот бы сорвать куш, – загрустил Аполлон Григорьевич, но тут же поправился: – Я бы ставил на вас... Всегда и во всем... Не тяните, открывайте приз...

Взяв столовый нож, Ванзаров поддел клапан и дернул. Внутри оказалась картонка, исписанная строгим прямым почерком. Трудно сказать определенно, но, похоже, этой же ру-

кой было написано приглашение в «Донон».

Письмо сообщало:

«Господин Ванзаров! Если вы это читаете, значит, дуэль выиграли вы, а я проиграла. Оцените задумку нашего поединка: лучший сыщик столицы умирает, расследуя свое убийство. Очень жаль, что не вышло. Ничего не поделать. Такие правила. Членом клуба «Одиссей» становится победитель. Поздравляю. Вас ждет множество приключений. Это будет интересная игра. Вы будете ставить на кон свою жизнь, не зная об этом. Как жаль, что я этого не увижу. Прошу не сообщать подробности моему любимому мужу. Ему будет и так тяжело. Прощайте, Ванзаров, и добро пожаловать в «Одиссей»!

Игра начинается».

Пульчинелла

...И все-таки Варвара вляпалась в карантин. Как сырник в сметану.

Путешествуя весной 2020 года по Северной Италии, и замечая, как эпидемия нарастает и становится хуже, она еще понадеялась. Конечно, на авось. «Авось» не вывез, а подвел. Окончательно – в аэропорту Guglielmo Marconi³. В который она примчалась уже после объявления тотального карантина.

Стоило так спешить, чтобы узнать приятную новость: рейсы в Россию отменены. Все до одного.

Девушка на стойке информации, пряча доброту под маской, сообщила, что туристов будет забирать чартер. Когда – точно неизвестно. Не раньше чем дня через три. Или четыре. Как прилетят, так сразу. Если не отсюда, то из Милана. Это же почти рядом. Триста километров, какие пустяки.

В общем, Варвара застряла в Болонье.

Всему виной была жадность. Не та жадность, что толкает девушку от бутика к распродаже. Варвара страдала редким и тяжким типом жадности: жадность научная. Попав по гранту в Италию, она, что называется, дорвалась, набирая еще и еще материалы для кандидатской диссертации. Как какой-нибудь

³ Аэропорт имени Гульельмо Маркони.

жадина Панталоне. Или скупой рыцарь. И все равно казалось мало. Жадность, как известно, наказуема. Порой в России, иногда в Италии. И вот возмездие: Варвара осталась бедной сироткой перед табло, на котором горел красный столб отмены вылетов.

Куда деваться? Города не знает, друзей нет. Ехать в Болонский университет, который стоял в планах, – бесполезно. Все закрыто, студентов и преподавателей разогнали на карантин. Надо искать гостиницу. Хотя бы кто помог одинокой девушке...

Желающие нашлись сразу, стоило Варваре выйти на стоянку. Около ее кроссовок затормозило такси. Водитель на чудовищном итало-английском спросил, куда синьорину подвезти. Варвара ответила на слишком правильном итальянском, что нужен недорогой отель. Совсем скромный. Сраженный родной речью в устах туристки, водитель выскочил из машины, распахнул дверцу и элегантно зашвырнул дорожный баул в багажник.

В машине пахло смесью табака и дешевого одеколona. С зеркальца заднего вида свешивался вымпелок с сине-красными полосами, белым крестом и надписью «BFC1909». Полосатыми наклейками были украшены дверцы и приборная доска. Не иначе таксист ярый болельщик, тиффози.

Какое место занимает местный клуб в чемпионате Италии, играет ли в нем красавчик Рональдо, Варвара не имела ни малейшего представления. Футбол был последним пунк-

том списка ее интересов. Причем вписан самым мелким шрифтом.

Развернувшись на сиденье, таксист обещал отвезти в отличный отель с самыми выгодными ценами.

Варвара не питала иллюзий насчет отелей, рекомендованных таксистами. Вежливо улыбнулась и ответила:

– Grazie!

– Откуда приехала такая красивая девушка? – спросил водитель и подмигнул. Чего делать не стоило.

Варвара привыкла, что к ней подкатывали не только таксисты: такова судьба блондинки в кудряшках. Цвет и завитки были натуральными, то есть от природы и предков. В ней был смешан варварский коктейль кровей стольких народов, что ничего, кроме блонда или жгуче-черного, вырасти не могло.

Блонд обогнал. Варвара была блондинкой. Милым котенком, которого рука тянется приласкать или обидеть. Вот только вид был обманчив. Глупый самец, посчитавший Варвару легкой добычей, быстро жалел об этом. Порой жалел больно. Глупец видит внешность. А на ней не написано, кто она такая. На Варваре вообще не было надписей. Она не носила футболок с принтами. Считая их выражением неуверенности и внутренних комплексов.

Варвара ответила, что приехала из Милана. Чтобы пресечь расспросы.

Такси резво тронулось, водитель завел разговор. Которо-

го нельзя было избежать. Раз ее везли в «лучший отель в городе».

– Какие сериалы смотрите?

На вид таксисту было хорошо за сорок, без седины, одет в простую кожанку и клетчатую рубашку, тщательно выбрит, и не сказать, что злоупотребляет кьянти. Судя по потертому кольцу – давно семьянин. Наверное, дети взрослые. А может, и внуки пошли. Такой дедушка-живчик. Все это Варвара провертела в голове почти машинально. Как проделывала с каждым незнакомцем, с которым дорога сводила больше чем на десять секунд.

Она ответила, что редко смотрит телевизор.

– А я люблю кино! Старое кино... Оно было настоящим, не то что нынешнее. – И таксист пустился в рассуждения, как велики были Бергман с Феллини и как мелки по сравнению с ними нынешние «тарантины» и прочие «ридлискотты».

Варвара вежливо кивала, не вдаваясь в подробности. Чтобы совсем не увязнуть в разговоре.

За окном проносились незнакомые улицы. Они въехали в район современных домов. Такси резко тормознуло у невысокого трехэтажного особняка. То, что это отель, сообщала бронзовая табличка, на которой красовалось название: «Rocco e i suoi fratelli»⁴.

Варвара невольно улыбнулась: куда же еще мог привезти старый киноманьяк. Что не помешало содрать с ее кредитки

⁴ «Рокко и его братья», фильм Лукино Висконти.

тройную цену за поездку. Таксист всегда таксист. Особенно когда везет блондинку-туристку.

Варвара утешила себя мудростью: «не обманутый турист – не отдохнувший». Хотя туристкой себя не считала.

От предложения донести сумку она отказалась. Не от обиды. Варвара считала, что современная девушка должна показать, кто теперь в мире хозяин. А хозяин сменялся. Мир мужчин трещал по швам. Надо было подтолкнуть, чтобы рухнул окончательно. Сама Варвара толкала его не слишком усердно, но не отказывала себе в удовольствии наблюдать обиженные физиономии мужчин. Когда ущемляли их эго. И другие места... в душе, конечно. Каких у мужчин – сколько угодно. Только они не догадываются об этом. Ну ладно... Сейчас не об этом.

Варвара машинально запомнила номер такси и подошла на рецепшен.

Ей поклонился портье с роскошной шевелюрой, подернутой сединой. Маска на лице скрывала возраст. Скорее – меньше тридцати. Судя по чистому лбу. Вместо фирменного пиджака на нем был обычный, только с бабочкой. Бейдж сообщал, что к нему можно обращаться Allen.

Холл был украшен киноплакатами. Многие друзья Варвары о таких фильмах не слышали, полагая, что в древности, то есть в 40–50 годах прошлого века, люди влачили жалкое существование без смартфонов. С чем она была категорически не согласна.

Варвара сделала комплимент коллекции, заметив, что плакаты выглядят подлинными.

– Вы правы, синьорина, они настоящие. – Портье чуть поклонился. – Все с блошиного рынка... Предпочитаете сладкую жизнь?

– Скорее ночи Кабирии.

– И куда же корабль плывет?

– Где земля дрожит⁵.

– Bravo, синьорина, с меня коктейль!

Разговор, малопонятный для друзей Варвары, которые без гугла не знают ничего, но во всем разбираются, доставил ей неожиданное удовольствие. Вот бы еще и цены оказались такими же.

Из служебного помещения портье Ален вернулся с подносом, на котором красовался бокал с красным мартини и оливкой.

Варвара чуть пригубила. Было вкусно, как вкусна победа, пришедшая по щелчку пальчиков. Кстати, не наманикюренных. Варвара считала глупостью думать о красе ногтей. Она спросила номер дня на три или четыре, до чартера.

Ален сообщил, что выбрать не из чего, у них остался один свободный, и назвал цену чрезвычайно выгодную.

Фантастика: таксист не обманул. В надежности своей кредитки Варвара не сомневалась. А с такими ценами и подав-

⁵ Варвара и портье обмениваются названиями знаменитых итальянских фильмов.

но. Да и куда тратить? Карантин.

– Живите сколько нужно, – сказал Ален, принимая у нее паспорт. – Нас всех ждет тяжелое испытание – карантин. Неизвестно, когда он кончится. Все очень плохо. Город закрывается... Если у вас закончатся деньги, поверю в кредит. Девушке, которая знает кино, нельзя не верить...

Варвара поблагодарила.

– У нас маленький отель, синьорина, и мы соблюдаем правила. Муниципалитет ввел драконовские ограничения. – И портье огласил запреты: выходить нельзя, гулять нельзя, контакты с соседями по номерам запрещены. Выходить на балкон тоже нельзя. И курить нельзя.

Ален попросил сдать на хранение зажигалку или спички. Ни сигарет, ни зажигалки у Варвары не было.

Пришло сообщение от деда, который волновался, почему нет вестей. Варвара прочла и не стала отвечать сразу. Ей хотелось оказаться в номере.

Портье заметил заставку смартфона: на старинной фотографии сидел чуть полноватый господин с умными и красивыми глазами, какие во все века сражали девичьи сердца, с русым вихром и роскошными усами вороненого отлива. Несмотря на черно-белый снимок.

– Прошу простить, не могу вспомнить этого актера немого кино, – сказал Ален, кивая на заставку экрана.

Варвара не любила, когда заглядывают ей в смартфон. Как в душу.

– Мой предок, – сказала она, пряча смартфон в карман куртки. – Из императорской России.

– Важное лицо?

– Государственный чиновник...

Портье выразил уважение к памяти о корнях. У них, итальянцев, это считается чертой национального характера: не забывать предков.

Варвара согласилась: забывать нельзя. Да и кто ж ей позволит...

Отказавшись от помощи, она затащила баул на третий этаж. Дверь номера открыл магнитный ключ. Других в маленьком, но гордом отеле не было.

Номер выглядел просто. Если не сказать убого. Как студенческое общежитие. Кровать, стол, два стула, тумбочка. Узкий платяной шкаф. Кресло, развернутое к окну, как к телевизору. Комплект из «ИКЕИ». Хоть новенький, неободранный. Телевизора, кстати, не было, что Варвару не беспокоило. Бара нет. Что хуже. Но тоже терпимо. Душ такой узкий, что мыться можно, поджав руки. Окно широкое. Поискав, Варвара не нашла штор. Ни обычных, ни римских. Полная открытость. Из украшений – два постера в рамках. На стене у стола – «Секретные материалы», на другой – средневековая гравюра.

Зато воздух чистый. Кондиционер под потолком гнал свежий ветерок.

Варвара ощутила усталость. Скинула одежду, приняла

душ, окунулась в махровое облако полотенца и осталась в футболке. Без надписей.

Пахло в номере не как в гостинице, душком санитарного средства, а домашними булочками.

Она уселась с ногами в кресло и вошла в соцсеть. Первым делом написала в личку своей подруге Насте.

Настя жила за счет популярного бьюти-блога про помады, кремы, шмотки и другие бесполезные вещи. С точки зрения Варвары. Зато в Милане и других модных городах Италии Настя бывала чаще, чем в продуктовом супермаркете у метро. Общих интересов у них не было. Ну, почти. Тем не менее это не мешало им дружить со школы. Как не мешали высшее образование Варвары и начисто забытая школьная программа Насти.

«Привет! Болонью знаешь?»

«Приветики! – тут же ответила Настя. – Там есть магазин с отличными скидками на бренды. Сказать адрес?»

«Нет. Отель «Рокко и его братья». Что скажешь?»

Настя помедлила и написала:

«Не слышала. Я в «Савое Реджинси» живу. Что ты думаешь про мужчину с фамилией Фунтиков?»

Интересы Насти не слишком обширны: если не косметика, то мужчины.

«Искрометно. Но Шпунтиков – надежнее», – написала Варвара и отключилась. Толку от Насти, как всегда, было мало.

Она забралась в общий чат:

«Привет! Кто бывал в отеле «Рокко и его братья» в Болонье?»

«Никогда не слышал (смайлик)».

«Не бывала (смайлик)».

«Такой есть? (три смайлика)».

«Это ресторан? Там вкусно?»

«А кто такие братья Рокко?»

«Это новая пиццерия? Там вкусно?»

«Уродское название для кафе...»

Друзья опять не подвели: глупость на любой вкус. Зачем только с ними водиться?

Закрыв друзей, Варвара спросила у поисковика. По-итальянски спросила, пробовала и так и сяк. Поиск выдавал фильм во всех вариантах. Как будто в Болонье такого отеля не было вовсе. И сайта у него нет. И даже странички в популярной соцсети.

Не сдаваясь, Варвара ринулась на портал бронирования. Болонья предлагала десятки отелей. Кроме того, в котором сидела она.

Оставался проверенный способ. Варвара набрала заветный номер в мессенджере. Абонент «DEED» включился так быстро, будто держал смартфон на ладони. Или сильно ждал звонка. Что было недалеко от истины.

– Де-е-ед, привет! – сказала она, привычно растягивая «е», как тянут ус.

– Боже мой, кого я слышу? Неужели дражайшая барышня Варвара изволила снизойти...

Ну да, она провинилась. Чуть-чуть. Ну подумаешь, не разговаривала с дедом три дня. Ну, замоталась... Главное, не подавать виду, что осознает вину. Еще чего! Какая вина? Везет деду такой книжный подарок, что вина сразу загладится. Дед все равно любимый. И другого нет.

– Де-е-ед, слушай, я в заточении.

– Попалась в ловушку карантина?

– Немного не рассчитала.

– Где замуровали, дорогая? В Милане?

– В Болонье...

– А вот «мои друзья, хоть не в болонии, зато не тащат из семьи...».

Дед не мог без игр. Значит, простил. А куда он денется? Еще бы не простить такую внучку. Не внучка, персик! Ну, в каком-то смысле.

– Да-да, «а гадость пьют из экономии, хоть поутру, да на свои», – поддержала она.

– Вывод: не пей гадость. И вообще не пей. Больше одного коктейля.

– Я знаю.

– Как Италия?

– Как заколдованный дворец. Все закрыто.

– Материалы для диссертации?

– Почти собрала, – соврала Варвара, зная, что дед знает,

что она соврала. — Де-е-ед, слушай, я поселилась в...

И тут интернет пропал.

Ну, спасибо замечательной компании на букву «М». Иначе про них и не скажешь, как славные ублюдки на букву «эм». После этой подлости Варвара твердо решила перейти к другому оператору. Как только вернется. Нет ничего хуже, чем подставить блондинку в роуминге. Даже если она забыла положить денег на этот треклятый роуминг. Таких обид прощать нельзя.

Надеясь на чудо, Варвара потыкала в мертвый мессенджер. Чудо надежды не оправдало. Оставалось смотреть в окно.

Окно выходило на задний двор. Вернее — задний двор других домов. Напротив стоял дом не выше отеля. В брандмауэре вырезано панорамное окно, наверняка после реконструкции нескольких квартир в большую студию. Разрушить старое и сделать новое, безликое, зато открытое. Окно окаймлял балкончик, на котором еле пяткам поместиться. Но они помещались. Голые пятки яркой брюнетки. На холодном цементе. Вообще брюнетка была столь горячей, что пятки были пустяком. Вырез легкого платяца и то, что им чуть прикрывалось, было куда интересней. Для мужского взгляда. Варвара лишь подумала, что девица одета как Барби-переросток.

Брюнетка курила в глубокую затяжку.

Варвара помахала ей. Просто так.

Брюнетка улыбнулась и помахала в ответ. Бросила сига-

ретку и медленно повернулась, будто демонстрируя, что прикрывало платице с тыла. И тут было на что посмотреть. Роскошные формы должны вызвать женскую зависть.

Зависти у Варвары не было и в помине. Ей стало смешно. Такая итальянская итальянка. Она еще подумала: а не щелкнуть ли ее на смартфон?

Варвара не заметила, как провалилась в сон.

Проснулась она в кресле.

На улице было темно.

Зато студия напротив залита светом. Варвара спросонья поморгала, не сразу понимая, это сон или уже нет.

Там происходило нечто странное. Крепкий, мускулистый мужчина в плотно облегающей майке, из которой лезли кусты волос, одной рукой держал брюнетку, а другой нещадно ее избивал. Рука была тяжела, брюнетку мотало, как листик на ветру. Наконец он взял ее за горло и ткнул в лицо смартфон. На котором было что-то опасное.

Задышавшись в его лапище, брюнетка молитвенно сложила руки.

Ревность и кара за измену.

Что делать? Сидеть и помалкивать?

Варвара не умела быть безмолвным свидетелем. Она стала стучать в окно и кричать, чтобы немедленно прекратили. На таком расстоянии между двумя стеклопакетами такой крик не громче писка комара.

Нужно открыть окно. Варвара стала искать поворотную

ручку, но ее не было. Окно закрыто наглухо.

Не разбивать же стекло в номере. Потом всю ночь мерзнуть. Да и кто дал ей право вмешиваться в чужую жизнь? Чего в семье не бывает? Особенно итальянской. Покричат и успокоятся. Хотя мутузить женщину с таким зверством – чисто мужская мерзость. Варвара считала, что бить женщину, даже провинившуюся, нельзя. Ну вот нельзя, и все. Табу. Ругать, обзывать, угрожать. Но руку не подымай. Иначе ты не мужчина, а баба. Ничем не лучше той, которую наказываешь. А еще растительность на груди развел.

Оставалось ерзать в кресле и смотреть.

Мужчина в майке отшвырнул смартфон и нанес такой удар, что брюнетка отлетела и лежала на ковре, скорчившись.

Варвара аж подпрыгнула: совсем перебор. Но куда там...

Волосатый поднял несчастную, выхватил нож и приставил лезвие к подбородку.

Это слишком. Даже для итальянских страстей.

Варвара вскочила и прижалась к стеклу, которое не пукало. А то бы она, конечно, перелетела через двор.

Почему брюнетка так покорна?

Куда смотрят соседи? Не могут не слышать криков...

Не опуская лезвия, волосатый говорил ей что-то, что исковеркало бешенством его не слишком приятное лицо. Брюнетка безвольно молчала. Убрав нож, он подхватил ее, отволол в глубину студии, бросил за арочный проем и сам зашел за него. Виднелись голые ноги брюнетки. Вдруг она ста-

ла быстро-быстро елозить ими, будто перебирала педали велосипеда. И так же внезапно затихла.

Из-за простенка показался волосатый. Его нож был густо заляпан красным, как и майка. В руке он держал...

Варвара шарахнулась в сторону и, держась стены, пошла к двери. Хорошо, что свет не включен...

Вниз она сбежала.

Портье Ален был занят просмотром черно-белого фильма по планшету. Он старательно не замечал футболки и босых ног. Постояльцы должны чувствовать себя как дома.

– Могу чем-то помочь, синьорина?

– Там, в соседнем доме, убили девушку, – сказала Варвара, не веря тому, что произносят уста ее. Как сказал бы дед.

– Вам показалось, синьорина.

– Ее избили и отрезали голову. – Варвара показала ладонью отрез.

Нельзя показывать на себе. Сколько раз бабушка говорила.

– Не может быть.

– Надо выйти и...

– Выходить запрещено, полный карантин.

– Тогда вызовите полицию...

Немного помолчав, Ален ответил:

– Это не поможет...

Варвара поняла причину его равнодушия:

– Вы боитесь? Боитесь мафии?

– Мафии нет. Больше нет. Как говорят. – Он помялся. – У нас тут не самый спокойный район. Мы предпочитаем не лезть в дела соседей.

– Какие дела – там преступление. Голову отрезали...

– Синьорина, мне жаль, что вам доставлено беспокойство.

Ужин за наш счет.

– При чем тут ужин...

Который раз Варвара столкнулась с главным своим врагом – глупостью. Причем глупостью безнадёжной и покорной. Что еще хуже.

Сделать вид, что ничего не случилось? Ну уж нет.

Невдалеке от отеля дежурил полицейский. Варвара приняла решение мгновенно. И пошла к дверям.

– Синьорина, нельзя выходить.

Толкнув дверцу, Варвара наткнулась на препятствие.

– Пожалуйста, откройте... – потребовала она.

– Синьорина, будьте благоразумны...

– Откройте, или я разобью...

– Как вам угодно...

Электрический замок прожужжал свободу. Варвара выскочила на улицу, забыв про холод. Полицейский обернулся. Он был в маске. Взгляд над маской не сулил ничего хорошего. Вот этой девушке в футболке с босыми ногами.

– Выходить нельзя. Вернитесь в помещение.

Варвара знала, что у нее несколько секунд.

– В соседнем доме убийство. Девушке отрезали голову. Я

видела. Я свидетель.

От пяток до кудряшек ее просканировал строгий взгляд.

– Какой сериал смотрели?

Здесь то же самое: глупость. Причем глупость мужская, глупость при исполнении. То есть самая чужунная.

– Поверьте, я не сошла с ума: брюнетку избили и отрезали голову, – проговорила Варвара как можно спокойнее.

Полицейский кивнул:

– Будем считать, что я вас не видел. На первый раз... Вернитесь в отель, синьорина. Или сейчас же заплатите штраф полторы тысячи евро за нарушение карантина...

Таких денег Варваре было жалко. Тем более их и не было. В конце концов, какое ей дело. Пусть режут кого хотят. Эти непредсказуемые итальянцы...

Не глядя на портье, Варвара вернулась в холл и поднялась в номер. Не зажигая света, подошла к окну. В квартире напротив было темно. Наверняка замечает следы, уже замыл кровь. Как он будет выносить тело? Целиком или разрежет на куски? Или положит в холодильник?

Она жалела только об одном: забыла про смартфон. Могла бы снять и ткнуть видео в нос тупому полицейскому.

Ничего себе у них карантин начинается, что же будет дальше... Хоть бы скорее чартер домой. Как домой хочется! Домой Варваре захотелось так, как не хотелось ни в одной поездке...

Но один вопрос не давался: неужели только она видела

этот кошмар? Неужели никто из жильцов отеля не смотрел в окно? Например, соседи справа и слева. Или в лучших номерах телевизор заменял окно?

Варвара приложила к стене. Оттуда доносились шорохи и звуки. Вроде действительно работает телевизор. Хорошо, значит, она единственный свидетель.

Варвара залезла в кровать и проверила смартфон. Интернета и связи по-прежнему не было. Оставалось вытащить из баула стопку ксерокопий, которые жадно ксерила в библиотеках, и заняться чтением. Дисер важнее хорошенькой головы брюнетки.

В номер постучали. Портье принес ужин. За счет отеля.

Принципы важнее голода. Как сказал бы дед.

Она отказалась от ужина, как Ален ни уговаривал. Согласилась только на американо.

И заснула.

Проснувшись, Варвара залезала в душ, а как вылезла — выглянула в окно.

Если бы на балкон выставили брюнетку без головы, обмоченную в скотч, она удивилась бы меньше. Потому что на балконе покуривала девушка. От зарезанной новая отличалась наличием головы с огненно-рыжей шевелюрой. Прочие формы южной красоты, что спереди, что сзади, как и вырез декольте, были до удивления схожи. Правда, сигаретку она держала отстраненно, озирая окрестности.

Как показал опыт, курить на этом балконе вредно. Курить

вообще вредно.

Как это понимать? Неужели волосатый держит гарем? Или новенькая просто наивная дурочка? Не знает, куда sunulась. Следов крови, конечно, не заметила. Решила: кетчуп пролит.

Предупредить, что ли?

Варвара принялась бить кулачком в стеклопакет и кричать что есть мочи.

Рыжая заметила шум, улыбнулась и приветливо помахала сигареткой.

Наивная дурочка...

Пиля ладошкой по горлу, Варвара еще тыкала пальцем в глубину студии и старательно выговаривала губами слова «убийство», «опасность» и «спасайся».

Девушка смотрела на странные манипуляции, как смотрят на прыжки обезьян в зоопарке. Пока не засмеялась так, что выронила сигарету.

Обернувшись, она что-то крикнула в глубины студии.

На долю секунды Варвара оказалась проворнее: спряталась за раму, подглядывая одним глазком.

На балкончик втиснулся волосатый. Чистая майка все так же обтягивала плотное тело. Рыжая, смеясь и тыкая пальцем в Варварино окно, что-то быстро рассказывала ему, повторяя жест ладонью. Мужчина мрачно поглядывал, куда ему указывали.

Варвару пробрал нехороший холодок, холодок страха.

Все-таки свидетелем быть не так легко. Особенно когда имеешь дело с мафией...

Только подумав, Варвара сразу поняла: ну конечно, это же настоящий мафиози... И морда такая омерзительная. Наверное, прячет нож за спиной.

Волосатый шлепнул девушку там, где кончалось платишко. Рыжая послушно скрылась, болтая без остановки. Мафиози достал смартфон и, сильно жестикулируя, стал разговаривать. При этом упорно разглядывая ее окно. За которым мог скрываться свидетель.

Свидетель действительно скрывался. Варвара не могла заставить себя оторваться от стены. Она представила, как волосатый присылает подручных проверить, кто живет в номере. И что она видела.

На портье рассчитывать бесполезно: пропустит без сожалений. А ей одной выкручиваться перед бандитами, играть в дурочку.

Правильно дед говорит: «Любопытство – не порок, а проклятие». Это у них семейное...

Варвара стала лихорадочно искать решение.

Бежать? Некуда. Везде карантин. Паспорт у портье, данные известны. Пока чартер прибудет, ее успеют несколько раз прикончить. На полицию рассчитывать нельзя: они тут все местные, знакомые, братья и сестры. Мафия, одним словом... Остается один слабый шанс...

Варвара спустилась на рецепшен и одарила портье улыб-

кой. Иногда она умела улыбаться.

– Доброе утро, синьорина. – Ей ответили улыбкой. – Завтрак через десять минут.

– Могу попросить вас об одолжении?

– Сколько угодно, синьорина.

– Если вдруг какие-то... люди, – Варвара не стала говорить «мафиози», – будут спрашивать, кто живет в моем номере, скажите им, что номер пустой. В нем никто не живет.

– Мы не даем сведения о гостях.

– Тем лучше. Я могу на вас рассчитывать?

– Разумеется. Фанаты настоящего кино должны помогать друг другу.

– Закон омерты, не так ли?

Алан улыбнулся.

– Обещаю, синьорина, не выдать вас на растерзание мафии...

– Буду вам признательна. – Голод сообщил Варваре, что пора его накормить. – Завтраки у вас внизу?

– Обычно да. Но теперь гостям запрещено находиться вместе. Завтрак будет доставлен вам в номер. Прошу извинить, карантин...

Ну да, теперь на карантин можно списать все что угодно... Главное, чтобы не списали ее остывший труп.

Варвара только вернулась в номер, как прибыл завтрак.

Булочки были чудесны, как в детстве у бабушки.

...Варвара проснулась в темноте. Она не могла понять,

сколько прошло времени и сколько сейчас. Она немного потеряла себя. Голова была чистая.

Приподнявшись на локтях, Варвара увидела свет, который щедро лился из студии напротив. Шестеренки заработали.

Не выдавая, что живет в номере, Варвара добралась в темноте в ванную и долго плескала в лицо ледяной водой. В комнату она вышла в полной боевой готовности.

На столе нашлась бутылка минералки. Наверняка оставил заботливый портье.

Варвара припала и жадно выпила до дна. Как будто с похмелья. Которого не было. И плюхнулась в кресло.

Ну, какая программа на сегодняшний вечер?

Посмотреть было на что. Посередине студии стоял мафиози. Вокруг него, прячась и не находя спасения, металась рыжая девица. Волосатый метал в нее угрожающими жестами. Рыжая отчаянно рыдала и мотала головой. Он что-то от нее требовал, она отказывалась выполнять.

Варвара вспомнила про смартфон. Надо включить на всякий случай камеру. Чтобы были доказательства.

Наставив на окно, она ткнула иконку камеры. Ничего не случилось.

Смартфон, ее надежный друг и товарищ, прошедший через библиотеки Италии, отказался работать. Ни видео снимать, ни фотки делать. Такого предательства Варвара не ожидала. Оставалось наблюдать.

«Надо что-то предпринять», – подумала она, но сил не нашлось.

Она не заметила, как рыжая куда-то делась. А мафиози передвинулся к краю комнаты и угрожал пальцем кому-то в углу. Который Варваре не был виден.

«Опять девчонку бить будут...»

Мысли текли, как масло на сковородке. Варвара впала в апатию.

Развязка случилась мгновенно. Мафиози выхватил с левого бока огромный пистолет – Варвара слабо разбиралась в марках оружия – и дал залп. Из тупого ствола рвалось пламя, оружие чуть вздрагивало.

Когда обойма кончилась, мафиози приподнял пистолет к плечу и смачно плюнул туда, где должно быть кровавое месиво. Больше от рыжей ничего не могло остаться. Только крохотный шанс, что пули легли над ней. В качестве воспитательной меры.

– Да что же это такое?

Варвара вскочила. Надо любой ценой вызвать помощь...

Ален встретил ее вежливым спокойствием:

– Добрый вечер, синьорина. Не скучаете в карантине?

– Я знаю, что в доме напротив, – сказала Варвара.

– Неужели?

– И я знаю, почему соседи не обращают внимания.

– У нас не принято лезть в чужие дела.

– Соседи молчат, потому что их нет. Весь дом – притон.

Там держат проституток. Их рабовладелец... – Варвара нарочно сказала это слово вместо «сутенер», которого не помнила по-итальянски, – только что расстрелял еще одну девушку. В качестве меры устрашения.

– Мне очень жаль, – помедлив, ответил Ален.

– Надо вызвать службу спасения, может быть, она еще жива...

– Я уже объяснял вам, синьорина...

– Тогда поднимитесь со мной в номер.

Портье колебался, но согласился.

Варвара предложила не включать свет. Ведь номер пустой.

– Смотрите...

Из угла, где осталась рыжая, вышел мафиози. Он еще сжимал оружие. Другая рука была замазана кровью так, будто сунул пятерню в банку краски.

Не торопясь, мафиози обтер руку о майку. На белом осталась красная полоса, которая зачеркнула надежду: рыжая – труп.

И тут мафиози подошел к панорамному окну и вгляделся в ночь. Что-то привлекло его внимание, что-то встревожило.

Варвара сообразила и кинулась на плечи Алену, заставив лечь: дверь в номер открыта, их силуэты видны на фоне коридора.

– Убедились?

– Нет, – ответил Ален, не вставая.

– Почему?

– Может быть, синьор разделал на кухне курицу.

– Автоматическим пистолетом?

– Может быть, он любит держать оружие.

– Я видела, как он разделал очередью рыжую девушку... У него руки в ее крови. А не курицы.

– Но зачем? Мафиози так не поступают.

– Все-таки они у вас есть... Это было наказание. Рыжая не хотела делать то, что от нее требовали.

– Мафиози так не поступают. Отрежут ухо или ноздри, но хладнокровно расстрелять женщину...

– Проститутку. Уже вторую. – Варвара предпочитала точность.

– Возможно, вы правы... Но тем более это не мое дело...

– Там девиц убивают, как кур!

– Сожалею... Если полиция его возьмет, дружки придут и покончат со мной. Или сожгут отель. – Портье боялся и не скрывал этого. – Ужин принесу в номер...

Он выполз, как под огнем. Варваре осталось сделать то же самое. Ползком добралась до кресла и чуть выглянула.

Мафиози вышел на балкончик и всматривался.

Варвара перестала дышать, чтобы не выдать себя движением. Мужчина с пистолетом, в майке, замазанной кровью, постоял, плюнул в темноту и вернулся в студию. Вскоре погас свет. То, что в углу лежит труп, его, как видно, не беспокоило.

Варвара выждала, сколько могла, и захлопнула дверь номера. Что создавало иллюзию защищенности.

Она уселась на кровати. Пора отложить эмоции и начать думать.

Думать Варвара умела. Чем приводила в трепет тех, кто видел в ней блондинку.

Она коснулась бесполезного смартфона и глянула на прапрадеда. Два скромных ордена поблескивали у него на шее и в лацкане.

– А ты как бы поступил?

Предок был молчалив и величав. Словно предлагал Варваре повторить то, чем пользовался сам: «Если задача не имеет решения, значит, решение надо найти в другом месте».

И Варвара решилась. Для начала она огляделась.

В номере не было ничего необычного. Над кроватью торчал постер там, где ревностные итальянцы вешают распятие. Но это верующие католики. А в современном отеле...

На репродукции толстый горбоносый дурачок делал танцующий шаг, высоко задирая колени. Если бы Варвара не занималась историей театра, подумала бы, что это средневековый фрик. Но она занималась. Это был Пульчинелла.

Дурачок из комедии дель арте. Средневековый уличный театр масок, про который Варвара писала диссертацию. В ансамбле Панталоне, Бригеллы, Коломбины, Тартальи, Скарамуччи, Ковьелло, Капитана и Арлекина Пульчинелле выпа-

ла роль дурачка, которому достается на орехи. А почтенная публика потешается...

Кстати, где публика?

До сих пор Варвара не заметила ни единого жильца в переполненном отеле. Так строго держат карантин?

Что теперь?

А теперь вести себя так, будто она глупышка, по-прежнему ничего не поняла.

Варвара лениво пошаталась по темному номеру, при этом разглядывая все уголки и закоулки. Ей показалась, что она заметила то, что искала. Хотя не была уверена. Могло и показаться. В сущности, никакой разницы.

Она уселась в кресло, держа перед собой смартфон. Предок был нужен для уверенности. Ведь это он придумал логическую цепочку, о которой Варваре рассказал уже дед. Передал семейную реликвию, так сказать. Логическая цепочка такая хитрая штука: начни развязывать – конец обязательно выведет. Только куда?

Взявшись, Варвара нащупала первое звено: если все окна выходят на студию, почему никто из жильцов не видел преступлений? Неужели всем все равно? Или они спят? Или умерли? Почему никто ничего не видит?

Ответ был на поверхности: потому что они смотрят и, более того, получают удовольствие. Наверняка это отель садистов. Мафии все равно, на чем зарабатывать деньги: хоть на проституции, хоть на заказанных казнях проституток для

богатых клиентов.

Как же она попала сюда?

Или ее выбрали за...

За волосы и кудряшки... Скоро придет ее черед...

Пора спасать жизнь. Зрители предвкушают, как она будет корчиться в руках мафиози. Что приготовят для нее: веревку? Биту? И отрежут голову на «бис»...

Она в плену. В заключении. И выхода нет... И дед не узнает, где сложила голову его Варвара... Если вообще голову найдут...

Но пока жива. Значит, имеет право на проверку.

Варвара быстро собрала баул и спустилась вниз.

– Я хочу уехать... Прямо сейчас.

Портье был спокоен.

– Вас что-то не устроило?

– Пришло сообщение: чартер на Москву будет подан через два часа...

– Прекрасно. Оплатите счет...

Варвара приложила карточку.

Ничего. Терминал выдал сброс платежа.

А потом еще три раза.

– Операция отклонена, – сказал Ален, возвращая кредитку. – У вас есть наличные?

В кармане завалилось несколько евроцентов.

– Не может быть. У меня на счету осталось... – она не стала говорить сколько, – достаточная сумма.

– Мне жаль...

Варвара бросила баул.

– Оставляю вещи. Съезжу в банк и сниму наличные. Вызовите такси...

– Такси отменены...

– Ничего, дойду пешком. Где ближайший банкомат?

– Выходить нельзя, везде полицейские патрули... И банкоматы не работают.

– Прoberусь под покровом ночи...

– Как вам угодно. – Портье нажал открывание двери.

Варвара наметила найти ближайший участок полиции. И вернуться не одна... Но выйти из отеля не смогла.

Ее никто не держал за руки. Она сама не решилась. Полицейского не было. Зато поблизости от отеля прогуливался тот самый мафиози. И не один. Выгуливал плюгавую болонку. При этом не выпускал дверь из виду. Как будто кого ждал. Он был в куртке и рубашке, на голове бейсболка. Мирный горожанин. Но Варвара знала, что руки у него в крови. Те руки, что прогуливают болонку. Наверняка забрал у убитой девушки.

Какой негодяй: мало того что женщинам головы режет, так еще собачкой прикрывается. Взял бы хоть овчарку или бультерьера, а то комок шерсти. Трус. Стыд и позор. А еще мафиози... Чего такого бояться...

Уговоры не помогли. Ноги Варвару не слушались. Стояли на месте.

Мафиози прошелся туда и обратно. Может, в самом деле выгуливает собачку?

Или она с ума сходит?

Нет, ум еще при ней. Варвара повернулась к портье:

– Как мне прожить, если карточка не работает...

– Надеюсь, это проблемы в банке. Карантин... Все наладится... Я вам верю... Любители кино должны помогать друг другу. Ужин через десять минут. Могу еще что-то сделать для вас, синьорина?

Подхватив сумку, Варвара вернулась в номер.

Что испытывает заключенный, побег которого раскрыт? Копал подкоп, а выкопал к ногам охранника. Вот что испытывала Варвара...

Надо проверить еще одно звено логической цепочки. Как бы поступил ее предок?

Ален принес ужин и пожелал приятного аппетита. Варвара дождалась, когда портье наверняка окажется внизу. Из ужина ей была нужна чайная ложка. Притрагиваться к еде и не думала.

Покопавшись в глубинах сумки, Варвара нашла то, что искала.

Варвара села перед электрической розеткой по-турецки и осторожно воткнула в дырки заколки-невидимки. Держа на кончике пальца ложку, она задержала дыхание и скинула ее на невидимки. Главное – вовремя убрать руку.

Эффект превзошел ожидания. Внизу что-то глухо бухну-

ло, полоска света под дверью погасла.

Варвара выскочила в коридор. Автоматические замки отключились, приоткрыв двери номеров. Варвара распахнула ближнюю. Затем следующую и следующую. Спускаться на второй этаж не имело смысла: в номерах пусто. Совсем. Голые стены. Отель пуст. Ни одного маньяка, жадного до кровавых зрелищ.

Опыт удался. Что немного запутывало логическую цепочку. Не сильно. Варвара держала ее крепко. Она заглянула в лестничный пролет. Внизу метался лучик фонаря. Бедный Ален, не может починить. Не знает, где коротнуло.

Варвара должна изображать глупышку.

Она спустилась к стойке портье.

– Что случилось?

Ален был занят щитком, в котором дергал ручки автоматов, а они отскакивали обратно.

– Ничего, синьорина, не волнуйтесь... Возвращайтесь к себе...

– Мне страшно...

– Поверьте, бояться нечего...

– А где жильцы?

– Я всех успокоил...

Звучало зловеще. В темноте со светом фонарика – особенно.

Страшно Варваре не было. Ей было весело. Ложка оказалась сильнее автоматов электрического щитка.

Варвара вздохнула, как вздыхают женщины при мучениях неумелого мужчины:

– Не буду вам мешать, синьор...

– Крайне вам благодарен...

Вернувшись в номер, Варвара примерилась скинуть ложку. Но заметила, что смартфон в сети.

Сначала она отправила сообщение в соцсеть.

Друзья бурно комментировали и веселились. Чем подтвердили бесполезность себя и соцсетей. Затем Варвара набрала деда. Но дед, как назло, был в отдалении. Не отзывался. Что иногда с ним случалось.

Оставались еще одни толковые мозги.

Варвара набрала по ватсапу последнюю лучшую подругу, которой имело смысл звонить в трудный момент. Подруга была актрисой. Причем начинающей. Без постоянного театра. Перебивалась антрепризами. Зато Кира обладала интуицией и сообразительностью. Редкой не только в театре. Как видно, набралась мудрости из пьес. После Шекспира любую проблему распутать ничего не стоит. Вот только Кира, когда была так нужна, пребывала вне сети.

Варвара была одна. Оставалось последнее: служба спасения.

Варвара набрала «113».

Усталый голос девушки спросил, что случилось.

Варвара кратко, как могла, сообщила: напротив нее отрезали женщине голову, а другую расстреляли из пистолета.

Оператор спросила, какая у нее температура, не надо ли прислать врача.

– Не врача, полицию.

– Хорошо, диктуйте адрес... – Прикрыв микрофон, оператор сказала: – Еще одна сумасшедшая иностранка! Кругом видят мафиози... Только этого нам не хватало!

– Я не знаю адреса. Живу в отеле напротив дома, где произошли убийства.

– Как называется отель?

– «Рокко и его братья»...

– Такого отеля нет в Болонье, синьорина...

– Меня привезли сюда из аэропорта на такси...

– Номер такси помните?

Варвара назвала.

– Такой номер давно не используется... Могу вам еще чем-то помочь? Может, все-таки прислать «Скорую помощь»?

Варвара прикинула появление врачей, рассказ об отрезанной голове и расстреле. И отказалась. Из психиатрической клиники сбежать трудно. Да и дед расстроится...

– Засеките положение моего мобильного и пришлите полицию, – сказала она.

– Ну конечно! Сейчас подключаем спутниковую систему НАТО! Вы там держитесь, синьорина, не болейте!

Оператор отключилась. У оператора были настоящие проблемы. А не выдуманные.

Тут Варвара чуть не хлопнула себя по лбу: как же не сообразила? Геотаргетинг!

Зайдя в бесполезные соцсети, Варвара поставила метку на сообщении...

Капелька уткнулась в глухой район Болоньи, где не было отмечено ни одного отеля. Зато было название улицы. И номер дома...

В логической цепочке осталось вытянуть последнее звено. Без чего Варвара не покинет отель. Чего бы это ни стоило.

Ложка не выдержала скачков в сети и свалилась. Включился свет. А интернет пропал.

Варвара погладила ложку, сказав: «Потерпи, малыш», и вынула невидимки из розетки, чтобы оставались невидимками. Этот фокус еще пригодится. Не нужно, чтобы синьор Ален о нем узнал.

Она успела прыгнуть в кресло, когда после краткого стука вошел портье.

– Свет появился?

– Да, проблема решена. Позвольте на всякий случай осмотреть розетки...

– Это ваш отель.

Портье прошелся, наклоняясь и тщательно рассматривая. С чем и вышел из номера. Через пять минут загудел кондиционер. А через десять вернулся синьор Ален с ужином, пахнущим домашней итальянской едой. Такой соблазнительный.

Как ни голодна была Варвара, но помнила: «В доме врага и пища горька». Как говорил ее дед, возвращаясь из гостей.

Сев на кровати лицом к стене, как раз под гравюрой Пульчинеллы, она принялась отрывать куски булочек, сыра, ветчины и бросать в щель между матрасом и стеной. Каждый выброшенный кусок просился в рот. Но Варвара терпела.

Осмотрев тарелки, она осталась довольна: полная иллюзия, что ужин съеден. Ей не надо было делать вид, что спит. Варвара так устала от пережитого, что провалилась в сон.

Или не заметила, как съела кусочек?

Утром она выбросила завтрак под кровать. И сделала вид, что уснула. Труднее всего оказалось лежать весь день, притворяясь спящей. Но Варвара справилась: тщательно продумывала план.

Настал вечер.

Она картинно проснулась, умылась и заняла место в кресле.

На балкончике курила свежая девушка славянской красоты. Мафиози что-то кричал на нее и прогонял, как вчера рыжую. Варвара терпеливо ждала.

И дождалась. Не прошло и часа, когда из глубины студии выбежала девица, спасаясь от разъяренного мафиози. Он держал толстую веревку, которой пользовался как кнутом. Девушка уворачивалась, но мафиози умело загонял в угол. Пока не загнал и не схватил за горло. Она брыкалась как могла. Мужчина был сильнее. Придавив ее к полу коле-

ном, он скрутил из веревки петлю, накинул и приподнял, как щенка на поводке. Шея жертвы вытянулась, а голова запрокинулась назад. Мафиози потащил ее к балкончику с явным намерением наказать строптивую девку повешением.

Надо спешить. Варвара кинула ложку на невидимки, уже торчащие из розетки. Снизу долетел приятный хлопок. Теперь, когда ее никто не мог видеть, Варвара могла действовать. В свободную розетку воткнула кипятильник, подарок деда. Дед говорил: «кипятильник – друг артиста и дипломата». Варвара всегда таскала его с собой. Не зная зачем. Кипятильник был старый, советский, тяжелый и вызывал тревожные вопросы на досмотре в аэропортах. Но как пригодился!

Набрав номер «113», Варвара сообщила оператору адрес, по которому вот-вот повесят девушку. Ей обещали прислать ближайший патруль.

Не дожидаясь полиции, она скинула ложечку. Нужен был ток.

Как только вода в стакане забулькала, Варвара схватила ножку кипятильника, подержала на воздухе, чтобы хорошенько разогрелся, и, выдернув из розетки, вонзила в пожарную сигнализацию. Завыла сирена, с потолка полился душ.

План Варвары еще не закончился. Замотав руку полотенцем, она удобно прихватила кипятильник и оглянулась в окно. Вдалеке уже сверкали полицейские мигалки, двигаясь в направлении к дому мафиози. Оставалось закончить нача-

тое.

Промокший синьор Ален ругался, но выключить сигнализацию не мог. На Варвару взглянул и продолжил бороться со щитком.

– Простите, синьорина, не до вас.

– Разрешите побыть в холле, мне страшно одной навер-ху...

– Делайте что хотите.

Что хотела, Варвара уже сделала: воткнув вилку кипя-тильника в розетку, для удобства гостей расположенную на рецепшен. И досчитала до двадцати. Без воды кипятильник нагрелся мгновенно.

– Синьор Ален, можно вас на секунду...

Портье оставил непокорное оборудование и повернулся к ней:

– Что вам нужно?

Варвара не стала объяснять. Ткнула спиралью кипятиль-ника в бритую щеку портье. Советский кипятильник был си-лен. Вопль синьора Алена перекрыла сирена пожарных, при-бывших на пожар.

Презирая крики поверженного врага, который поскольз-нулся и барахтался в луже, Варвара зашла за стойку рецеп-шен и увидела то, что ожидала: монитор, на который было выведено множество камер. Большинство – из ее номера.

А пожарные уже вломились в холл.

– Где очаг пожара? – крикнул старший.

– Очаг ликвидирован, – ответила Варвара. – У нас тут раненый...

Синьора Алена подняли за руки. Он ругался так, что смутил пожарных. Больше всего злясь, что белобрысая ведьма оставила след на лице. Что было правдой: щека синьора Алена украсила алая буква «О». Будет знать, как связываться с блондинками.

Варвара увидела, как к отелю подъехал патруль полиции. Очень кстати...

* * *

...Комната была светлой и чистой, как мысли Варвары. Она без страха смотрела в лицо комиссарио Филиппе. А комиссарио тщательно рассматривал ее паспорт.

С виду он относился к породе мужчин, уверенных в своей неотразимости. Подобные красавцы слишком поздно догадывались, что Варварины кудряшки совсем не то, чем они кажутся.

Как говорится, наглость – не порок, но и глупость – не добродетель. Коммиссарио глупцом не был, несмотря на чернявую смазливость. Среди красавчиков редко, но попадались умники. Варвара знала, что наткнулась на редкий экземпляр. Жаль, что комиссариат полиции не лучшее место для приятного знакомства умных людей.

Коммиссарио изучил паспорт до корочки и положил гер-

бом на стол. И посмотрел так, как смотрят полицейские в сериалах: с откровенным намеком, что преступнице лучше покаяться, чем тратить время.

Преступницей Варвара себя не считала. А потому смотрела беззастенчиво. Как в целом невинная овечка.

Взгляд комиссарио не удержал и моргнул. Ага, проиграл дуэль. Будет знать, с кем связался.

– Жду объяснений, синьорина, – сказал он, глянув исподлобья. Как стрельнул из-за угла напоследок.

– Каких объяснений? – спросила Варвара.

– По какой причине нанесли ранение синьору портье. Кстати, как называется этот ужасный предмет?

– Ки-пя-тиль-ник, – проговорила Варвара русскими слогами.

Коммиссарио прислушался к звукам варварской речи и не рискнул узнать, для каких ужасных целей используют в России этот предмет. Подумав, что разумно бы запретить его к ввозу в Евросоюз.

– Отвечайте на вопрос.

Мирно Варвара сделала все, что могла. Что ж, сам напросился.

– Не буду тратить ваше время, комиссарио, на рассказы о том, как мафиози в доме напротив жестоко разделался с двумя девушками и чуть не повесил третью, – сказала Варвара со спокойствием, от которого дыхнуло русским морозом. – Когда в полицейском участке блондинка рассказывает

такой бред, ее считают сумасшедшей или лгуньей. Особенно когда вам известно, что происходило на самом деле.

Коммиссарио хранил спокойствие.

– Ближе к делу, синьорина. К вашему возмутительному поступку, – сказал он.

– Немного терпения, коммиссарио. Дойдем и до моего поступка. – Варвара умела брать инициативу на себя. – Факт первый: я оказалась в отеле, названия которого нет нигде. Даже в вашей службе спасения. Почему? Допустим, он такой скромный или новый, что не успел заявить о себе. Факт второй: синьор Алэн уверял, что отель полон постояльцев. Я обнаружила, что в номерах никого нет. И даже мебели. Что за странность? Вероятно, номер, в который меня поселили, предназначен для чего-то особенного. Какие доказательства? Окна нельзя открыть, на них нет штор, нет телевизора, а мой надежный смартфон отказался работать. Даже записать видео. Превратился в бесполезный кусок пластика. Не говоря уже об интернете. Так бывает, когда рядом работает сильный глушитель. Я не слишком спешу? Мой итальянский вам понятен?

Филиппе сохранял истинно английское спокойствие. Не итальянское, нет.

– Ближе к вашему поступку, синьорина.

– Ближе некуда, коммиссарио: я не могла выйти из отеля. О, этот карантин от страшного вируса: на улице полицейский, который грозит штрафом. Моя карточка не проводит

платеж, но при этом портье милостиво разрешает остаться в отеле. Мало того, приносит в номер завтраки и ужины, полупансион. Какая щедрость. С чего бы вдруг? Быть может, причину надо искать в том, что я сплю как сурок после завтрака, вкусного, как у бабушки? Зачем это портье? Ограбить меня? Сексуальные домогательства к спящей девушке? Ничего подобного не происходит... Логический ответ: чтобы показывать кровавые драмы за окном. У которого так удобно стоит кресло. Показывать мне. Успеваете, комиссарио, за разворачиванием логической парадигмы?

Офицер глянул через плечо на большое окно, заделанное зеркальным стеклом.

– При чем тут портье и ваша парадигма? – спросил он.

– Хороший вопрос, – сказала Варвара. – Но мелкий. Интереснее другое: зачем показывать мне ужасы? Первая версия: какой-то сумасшедший богач заказал подпольное реалити-шоу, в котором происходят настоящие убийства. Версия простая, понятная и доказуемая: мой номер и отель напичканы камерами. Которые выводятся на монитор портье.

– Неужели?

– Да. Только одна беда: она неверная.

– Почему? – спросил комиссарио, будто вошел во вкус.

– Для этого шоу не нужна я, зрительница. Даже если предположить, что четвертой жертвой предстояло стать мне, куда проще сразу привести меня в тот дом, ударить по затылку, бросить в подвал связанную, или как у вас поступает насто-

ящая мафия...

– Значит, эта версия неверна. У вас есть другие, синьорина?

– Вторая не менее очевидна: синьор Ален – маньяк. Помешался на кино, не стал режиссером и тайно снимает фильм для себя. Черный фильм. Тогда моя роль понятна: бедная невинная девушка, которая попала в ловушку и не может из нее выбраться. Судьба такой героини печальна: мафиози из дома напротив поймет, что она все знает, ворвется в отель, и бедняжка погибнет в страшных муках. Вероятно, забьют бейсбольной битой.

– Почему битой?

– Нож был, пистолет был, веревка для повешения была, – ответила Варвара, загибая пальцы. – Из популярного набора убийств невинной девушки остается бита. Яд в расчет не берем, не так зрелищно...

– А почему эта версия неверна? – Коммиссарио забыл, что недавно его волновала судьба портье.

– У такого фильма должно быть начало: героиня, то есть я, ничего не подозревает, знакомится с мафиози, потом видит, как он убивает девушек, впадает в панику, не может выбраться. Ну, и так далее. У маньяков детали тщательно продуманы. А какое тут начало: ну, приехала туристка, ну, поселилась в номер, ну, показывают кровавый треш. Никакой драматургии. Но самое главное: слишком много орудий убийства. Маньяки, как вам известно, коммиссарио, предпочитают

ют что-то одно, на чем они зациклены... Вывод: эту версию отбрасываем.

Поборов себя, Филиппе спросил:

– У вас еще есть версия, синьорита?

– Есть, – сказала Варвара.

– Что это за версия?

– Для начала пригласите таксиста, который взял меня в аэропорту. Думаю, ему скучно смотреть из-за стекла...

Коммиссарио обернулся к зеркалу, будто оно могло утешить. Зеркало равнодушно молчало. Зато распахнулась дверь, и вошел таксист. Он сменил кожанку на шерстяной пиджак с белой рубашкой, воротник которой стягивала шелковая бабочка. Таксист сел рядом с коммиссарио без лишних приглашений. Настроение его было не слишком игристым. Как будто замучил карантин.

– Прошу простить, синьорина, что не представляюсь, – сказал он.

– Переживу, профессор, – ответила Варвара.

– Почему вы называете меня профессором?

– Видела вашу фотографию на сайте Болонского университета, – сказала она, блефуя, но блеф удался. Профессор переглянулся с коммиссарио. – Надеюсь, вам не придется закапывать мой труп в подвале коммиссариата?

– Какова ваша третья версия? – спросил безымянный профессор, чтобы не поддаваться заманчивой идее с трупом в подвале.

– Натурный эксперимент. Так у вас это называется? Вероятно, по заказу полиции. Вы проверяете реакцию современного человека, погрязшего в сериалах и киножестокости, на столкновение с настоящей, реальной жестокостью. Как себя поведет, что будет делать, как бороться за жизнь. Для полиции такие сведения крайне важны, чтобы знать поведение свидетелей. А для вас, профессор, знания психологии человека имеют ценность сами по себе.

Профессор издал звук, будто не может проглотить лягушку, что растопырила лапки у него в горле.

– Вы выбрали в аэропорту идеальный объект эксперимента, – продолжила Варвара. – Туристка, блондинка, смазливое личико, достаточно молода. Наверняка ничего, кроме смартфона, не знает.

– Подвело электричество, – оправдался профессор.

– Электричество ни при чем. Вы оставили... подсказки. – Варвара подобрала необходимое слово. Кому приятно совершать «ошибки».

– Какие?

– Такси напичкано футбольной атрибутикой, а вы всю дорогу болтали о классическом кино. И все же главная подсказка была в номере: «The X-Files» на одной стене и гравюра Пульчинеллы над кроватью. Я немного занимаюсь комедией дель арте и знаю, что Пульчинелла – дурачок, над которым смеются. За окном происходило представление, как в театре: выносят отрезанную голову, расстреливают за кули-

сами. Самый сложный трюк: повешение. Тут нужен тонкий страховочный трос.

– Вы и его заметили? – в печали спросил профессор.

– Заметила. – Врать Варвара умела не моргнув глазом. – Но я не Пульчинелла. Отвечая на ваш вопрос, комиссарио: синьор Ален получил от меня плату за мое участие в эксперименте. Его плата за риск. Согласны?

Профессор правильно понял, к кому именно обращен вопрос и кто будет разгребать проблемы. Он поднялся и протянул руку:

– Благодарю, синьорина, за уроки, мы их учтем. И поправим электрический щиток.

Варвара пожалала жесткие пальцы профессора.

– Любому щитку можно устроить короткое замыкание, – сказала она.

– Откуда такие знания, синьорина?

– От деда.

– Кто ваш дед?

– Он был советским пионером.

– Чему он научил?

– Как заколкой выбить пробки.

– Полезные знания.

– Логика полезней.

– Откуда у вас логика?

– От прапрадеда, профессор.

– Кто был ваш прапрадед, синьорина?

– Он был великий человек, – сказала Варвара и тряхнула головой. – Вам не кажется, что мы говорим как в фильмах Тарантино?

Профессор задумался:

– Реальность и вымысел порой теряют границы... Жажду узнать, кем был ваш предок.

Коммиссарио тоже горел желанием.

Отказать горящим мужчинам Варвара не могла. И предъ-
явила заставку смартфона.

– Какой приятный господин, – сказал профессор, взгляды-
ваясь в старинный снимок. – В вас заметны его черты... Гла-
за...

– Я знаю.

– Так кто же он, раскройте тайну! – почти взмолился ком-
миссарио.

– Самый великий сыщик императорской России. Служил
в сыскной полиции Петербурга.

– Почту за честь узнать его имя.

– Его зовут Ванзаров, – сказала Варвара. – Родион Геор-
гиевич Ванзаров.

Коммиссарио уже видел эту фамилию.

Раскрыв паспорт, лежавший перед ним, убедился: блон-
динку звали Варвара Ванзарова. Он только не мог знать, ка-
кое у нее еще и отчество...

Что сказать: блондинистые кудряшки выросли на крепких
мозгах ее и предков. То ли еще покажут...

Ужасные сердца

Сведения о том, как выглядят врата ада, за последние века поступали противоречивые. Надежных очевидцев нет, а те, что уцелели, путаются в показаниях. Достоверности не хватает. Многие горячие головы рисуют фантастические картины, забавные, как детские страшилки.

А между тем стоит оглядеться, и сделаешь поразительное открытие: ворота в ад хорошо известны любому жителю Петербурга женатого состояния. Через них множество раз отправлялся он в краткие путешествия. И возвращался обратно. Ворот этих в столице не менее четырех. И только по глупому недоразумению называются они пригородными вокзалами. Хотя каждый, кто хоть раз отправлялся летом на дачу, знает, что это не что иное, как начало адских мук.

Вот, к примеру, Финский вокзал. В назначенный час каменное строение с приземистым куполом под шпилем буквально раздувается от напирющей толпы. Муравейник по сравнению с ним – место одиноких раздумий. В зале ожидания не протолкнуться от суетливых муравьишек. Каждый тащит столько поклажи, что удивляешься, как еще жив. В руках – по громадному свертку, при этом ухитряется нести какие-то коробки, за спиной болтается заплечный мешок. Кто же этот трудяга?

Конечно, заботливый отец семейства, что везет заказы и

гостинцы отдыхающим на дачных просторах женошке и детишкам. Весь летний сезон в конце недели, а то и каждый день штурмует он ворота ада и терпит на земле все, что его ожидает в загробном будущем. Нет числа мукам. Дышать нечем, пот льет в три ручья, воздух раскален жарой и теснотой. Все толкаются, суетятся, ругаются и спешат на поезд, чтобы оказаться к ужину на семейной веранде. Чем после Финского вокзала покажется ад? Курорт, не иначе.

Ну так вот...

Вечером июньской пятницы 1894 года атмосфера Финского вокзала бурлила ключом. Господа, покинувшие конторы и присутственные места, брали штурмом пригородный на шесть двадцать, паровозик которого пускал клубы пара и нетерпеливо фыркал. Толчки в бок, удары корзиной по затылку, отдавленные ноги и даже порванные пиджаки были привычными пустяками для опытных путешественников. Ругань и ссоры вспыхивали и тут же гасли.

Господа обменивались краткими, но емкими выражениями, на чем и расходились. На серьезное выяснение отношений не было ни сил, ни времени. Мгновенные стычки разнимал поток толпы, унося противников в разные стороны. Никто всерьез не принимал этот кавардак, резонно полагая, что не потолкаешься – не поедешь. Многие даже получали особое удовольствие от всей этой суеты. Раскрасневшиеся, но счастливые муравьи заполняли вагоны, деловито распикивали свертки, усаживались на лавки, открывали окна на-

стежь и выпускали победный выдох. Чем не развлечение после конторской скуки.

Среди водоворота виднелся гранитный утес. Был он не столь уж гигантского роста, скорее обычного, облачен в скромный летний костюм светлого материала, голову покрывала легкомысленная соломенная шляпа с темно-синей ленточкой. Ничего не казалось в нем особенным или выдающимся, совершенно средний городской тип. Но каждый дачник удивленно останавливался на нем взгляд, еще не понимая, что так поразило. Когда же в распаренные мозги доходила причина, господина награждали презрительным, а то и осуждающим взглядом.

Действительно, выглядел он белой вороной среди отборно-черного воронья. А все потому, что не было у него ни котомки, ни чемодана, ни саквояжа, ни коробки, ни даже маленького фунтика с пирожными или конфетами. Руки господина были преступно свободны от всякого груза. Одну он засунул в карман брюк вальяжным образом. А другая... Да, собственно, другая ничего и не делала.

Такая неслыханная наглость – не иметь багажа на дачном вокзале – вызывала всеобщий интерес и кривые взгляды. Моложавый господин мало обращал на них внимания. Вернее, был глубоко равнодушен к общественному мнению. Ценой слишком больших жертв был добыт выходной в субботу. Пришлось обещать господину Шереметьевскому, начальнику сыска, что отслужит дежурным по сыскной полиции три

воскресенья подряд. Что для молодого чиновника было в самый раз.

Получив увольнение, Ванзаров не думал утруждать себя: не он напрашивался в гости, его приглашали так настойчиво и ласково, сулили такой незабываемый день в неге дачных удовольствий, что пришлось поддаться. Предстояло редкое событие: полное безделье, когда заботливые хозяева только и делают, что суетятся вокруг, меняют блюдечко с вареньем, а тебе остается снять пиджак, ослабить галстук и насладиться чистым воздухом в удобном кресле до полного изнеможения.

Что-то подобное рисовало воображение. И хоть к дачной жизни Ванзаров был равнодушен, но пропустить случай не смог. На робкие попытки захватить гостинцы заботливые хозяева ответили решительным отказом. Видеть Ванзарова на даче – уже счастье. Какие еще подарки! И хоть в грехе гостеприимства приятель Макарский замечен не был, но, видно, женитьба меняет человека безвозвратно. Оказаться беззаботным гостем на чужой даче – настоящее развлечение для холостого мужчины. Надо пользоваться, когда дают.

Между тем, пока мы тут болтали, Ванзаров отстоял очередь к кассе, получил билет, протиснулся сквозь галдящую толпу, удивляясь, как приличные люди могут доводить себя до такого исступления, и кое-как забрался по крутой лесенке в вагон третьего класса. Дешевый билет был куплен не из любви к народу, а в целях экономии. На жалованье чиновни-

ка полиции первый класс – недостижимая роскошь. Протиснувшись к самому окну, несколько полноватый юноша оказался зажат между стенкой вагона и разгоряченным господином в клетчатом пиджаке. Снова его обдали презрением за отсутствие багажа.

Когда волнение посадки улеглось, пассажиры занялись осматриванием друг друга. Публика собралась вполне приличная, привыкшая экономить на билетах. Нашлись знакомые по регулярным вояжам, завязались разговоры, а в дальнем конце вагона угощались чаем из термоса. Прелести железнодорожной жизни, в общем.

Ванзарова молча осуждали. Соседи оскорбились вызывающе легким видом и отгородились стеной презрения. От этого он страдал куда меньше, чем от духоты.

Раздался паровозный гудок, состав дернулся и медленно поплелся по ухабистым рельсам. Из окна потянуло свежим ветерком вперемешку с паровозным дымом. Ванзаров вдохнул полной грудью и за отсутствием других развлечений стал поглядывать за пассажирами, пытаясь разобрать, что скрывается за обычными человеческими лицами. То есть тренируясь в молниеносном портрете. Это упражнение он считал крайне полезным для сыщика. Как важно с одного взгляда оценить человека, понять, кто перед тобой и что от него ждать. Для тренировки вагон давал широкий простор.

Самые разные типы и характеры. Вот только, подметив склонности человека, нельзя предсказать, на что он спосо-

бен. Сидит добродушный господин, весельчак и балагур, а у него в дачном сарае, быть может, коллекция трупов. Под тихим обывателем может скрываться обыкновенное чудовище. Понятие зла каждый выбирает по собственной мерке. Для кого муху прихлопнуть невозможно, а другому старушку топором разделать – милое развлечение. Нет такой моральной цепи, чтобы сдерживала кровожадность человека. Вот и рвутся к свободе приключений. И никакой вины не чувствуют. На самом деле не видят ничего страшного в убийствах. Цепочка уж больно хлипкая. Так и хочется сорваться с нее. Никто не знает, как поступит, если будет уверен в безнаказанности. Уж очень сильно искушение узнать: как далеко позволено человеку окунаться в зверство. Есть ли дно и граница...

Пока опасные мысли бродили по извилинам, поезд доковылял до станции Шувалово, тяжело выпустил пар и остановился. В окне показалась пригородная платформа с одуревшим от жары дежурным.

Ванзаров опомнился, что разглядывает свою остановку, подскочил, чуть не сбив соседа с лавки, торопливо извинился и, возбуждая негодование, пробился к выходу. Как раз чтобы успеть прыгнуть с подножки. Поезд отправился развозить дачников, а он попал в объятия. Его хорошенько тиснули и пообещали, что жена будет безумно счастлива. Ответив взаимностью, Ванзаров невольно оценил однокашника. Считанные месяцы семейной жизни оставили на Лешеньке

Макарском неизгладимый след. Сразу видно: остепенился, успокоился и совершенно счастлив. Что, в общем, немало.

Дачный домик, снимаемый на лето супругами Макаарскими, находился от станции на расстоянии приятной прогулки. Алексей развлекал рассказами о милых происшествиях дачного бытия, пока не передал в руки очаровательной супруги. Милая Марта встретила с таким искренним радушием, что Ванзаров смутился. Все-таки еле знакомы. И не захотел составить мгновенный портрет. Что составлять, и так ясно: девушка умная, волевая, взяла власть в свои руки, будет вить семейное гнездышко стальным кулаком. В общем, как обычно.

Ванзарова немедленно усадили за стол, над которым свешивались ветви яблонь, а закуски теснились к самовару. С дороги полагалось отдохнуть за чаем, ужин будет позже.

Макарский вдруг вспомнил, что ему нужно удалиться по срочному делу, гостя оставляет заботам жены. Такая суетливость была не в характере приятеля. А ведь недавно, как нормальный человек, падал лицом в тарелку салата. Как все же портит женитьба...

Углубиться в печальную мысль Ванзарову не пришлось. Марта завела типично женский разговор, смысл которого понять невозможно: что-то такое о мировой экономике, новинках искусства и политике Англии на Балканах, так что оставалось вовремя кивать и соглашаться.

Четверть часа тянулась так долго, будто целый век. Нако-

нец Макаровский откинул ветку яблони и плюхнулся в плетеное кресло. При этом имел вид чрезвычайно довольный, хотя несколько загадочный. Ванзаров подумал, что приятель запас какое-нибудь развлечение в духе университетских шалостей. И сейчас его спасут от женского общения. Но Лешенька как ни в чем не бывало налил чаю, взялся слушать жену, изредка поддакивая. Не ожидая подлости, Ванзаров заедал тоску отменным вареньем.

Светская беседа приняла столь интересный оборот, а воздух был столь чист и мягок, что Ванзаров ощутил признаки дремоты. Взор его подернулся дымкой, во всем теле наступила приятная расслабленность. Как вдруг около стола возник господин во фраке, словно соткался из воздуха. Без сомнений, он принадлежал к когорте дворецких, причем когорте отборной. Каждая пуговица идеально чистой сорочки кричала о достоинстве и прочих добродетелях. А строгость физиономии не поддавалась описанию. Воплощение всех моральных качеств – не иначе.

Дворецкий величественно поклонился, что выразилось в легком изгибе талии, и спросил: имеет ли честь видеть господина Ванзарова? Названный господин, сбросив сонливость, отпираться не стал: да, это он во всей красе.

– Велено передать вам. – Дворецкий протянул запечатанный конверт. Без подписи и почтового штампа.

Получатель уточнил: не перепутан ли адрес? Дворецкий уверил: письмо доставлено правильно. Более того, имеет

честь дожидаться ответа. В безвыходной ситуации оставалось взять нож для масла и взрезать плотную бумагу. Внутри был листок, на котором корявый почерк нацарапал:

«Господин Ванзаров! Прошу следовать за моим дворцом. Вопросы ему не задавайте, он все равно ничего не знает, полный дурак, хоть и представительный. Обещаю, дело для вас выгодное и легкое. Не пожалеете. Не тяните, а давайте сразу без долгих размышлений и сборов. Вопрос срочный. Жду непременно».

Подписи не было. Энергичное послание вызвало массу вопросов. Только задать их было некому. Супруги Макаарские изучали содержимое чашек, а слуга воплощал самую неприступность. Быть может, другой чиновник, вырвавшись на отдых, послал бы это письмо на растопку самовара. Но Ванзаровым владела пагубная страсть: любопытство. Страсть не давала покоя и приносила одни неприятности вместо дохода. Справиться с ней было невозможно, сколько ни старайся.

Как будто другие страсти легче! Что-то не встречали мы победителей пьянства или игры на рулетке. А потому, оставив вазочку варенья, Ванзаров изъявил желание прогуляться. Друг с женой всячески поддержали его, обещав дожидаться к ужину.

Дворецкий указал следовать за ним.

Сквозь хилые заросли кустарника дорога вывела на огромную поляну со следами вырубленного вишневого сада. Посреди нее возвышался... как бы это сказать, не дворец, а фантазия русского мужика об английском фамильном замке.

Нечто каменное с зубчатыми башенками и конусами островерхих крыш. Двухэтажная крепость была изукрашена статуями и каменными завитушками, словно корабль, облепленный ракушками. Впрочем, дальнее крыло еще стояло в строительных лесах. Земля, из которой выкорчевали пни, поросла лысой травой прямо по разметке будущего европейского парка. Там и сям торчали цементные статуи аллегорических существ, среди которых теснились Разум, Вера и Милосердие. Все это великолепие окружал деревенский забор, в тени которого дети рвали лапки у лягушки, а седой козел, привязанный к доске, меланхолично жевал газету, как видно либерального направления. Ванзаров позволил себе насладиться зрелищем сполна. Дворецкий ждал безмолвно, пока его не спросили, куда дальше.

Внутренность дома отличалась не меньшей фантазией. Неограниченные возможности разметали по стенам бронзу подсвечников, хрусталь люстр и масло картин, а под ноги — неопишуемые ковры. Про мебель и говорить нечего: полированная роскошь, да и только.

В конце мраморной лестницы визитера попросили подождать перед дубовой дверью, какой позавидует кабинет министра. Когда же она распахнулась, дворецкий церемонно изогнулся.

Навстречу шагнул хозяин. Мгновенный портрет обрисовал точно. Крепкий приземистый господин с отполированным черепом источал столько энергии, что хоть лампочку зажигай. Тело его имело достаточно ширины, чтобы огромная цепочка часов натянулась по жилетке в струну. Мясистые пальцы предназначались самой природой рвать и хватать, обручальное колечко терялось в складках кожи. Зато перстень, украшенный брильянтом с орех, горел немигающим глазом. Одним словом, хищник. Силен и опасен, как старый носорог. Вставать у него на пути не стоит. Раздавит – и не заметит. Всего добился сам, потому гордится волей и животной хитростью.

Уникальный экземпляр человеческого рода тщательно осмотрел юношу коренастого вида и остался в сомнениях.

– Уж больно молод что-то, – пробурчал он. – Не нашли чего получше...

В такой ситуации церемонии излишни. Заложив руки за спину, Ванзаров строго заявил:

– Изложите, в чем дело. И побыстрее. Я сюда отдыхать приехал на свежем воздухе, а не в кабинетах торчать.

К такому обращению господин был непривычен. Нахмурившись, грозно прорычал:

– Да ты кто таков?

– Чиновник сыскной полиции. Прошу не тыкать. Если у вас нужда, извольте в приемные часы в местный полицейский участок. Всего доброго...

И, развернувшись, направился к двери.

– Господин Ванзаров! Да погодите же! Родион Георгиевич, прошу вас...

От самоуверенной наглости не осталось и следа. Хищник признал в коренастом юноше равного. Ну или почти равного. Зубы и когти спрятал, став милым и пушистым. Гостю было предложено располагаться в кожаном кресле размером с бричку, а затем всяческие напитки и сигары. От подобной чести Ванзаров отказался. Уняв приступ радушия, хозяин представился Филиппом Филипповичем Сундуковым. Имя это чиновнику полиции ничего не говорило. Владелец новенького замка сторонился публичности. Большие деньги не любят славы, а любят тишину. Ну и ладно...

– Простите мою оплошность, – сказал он и даже улыбнулся. В сочетании с голым черепом разрез губ казался оскалом. – Думал, вы постарше будете. Мне рекомендовали вас как опытного и проницательного сыщика...

«Так и есть!» – вскричало внутри у Ванзарова, но внешне он остался невозмутим.

– Вот и не разглядел сразу. А теперь вижу: характер. Такой мне и нужен. Сговоримся.

Согласившись с оценкой своего характера, Ванзаров тер-

пеливо ждал, не выражая интереса.

Сундуков поерзал и, видя, что помощи не дожидаться, начал сам:

– О себе рассказывать не буду, что захотите узнать – и так разыщите, а чего знать не положено, касаться не будем. В этой жизни мне мало что недоступно. Честно скажу: могу купить, что захочу. Капиталец собрался такой, что лишний раз говорить о нем не стоит. Не поверите, если правду скажу, решите, хвастает Филипп, врет. Но и сами видите, какая красота вокруг. А во сколько это обошлось! Деньги, Родион Георгиевич, такая сила, что все может покорить. Все мне подвластно, ни в чем не знаю отказа...

Ванзарова так и подмывало вставить: «Я царствую! Послушна мне, сильна моя держава»⁶. Разум зажал язык.

Сундуков не унимался:

– ...долго трудиться, чтобы всего этого достичь, но теперь могу позволить себе любой каприз. Вы еще человек молодой, так запомните совет: главные друзья мужчины – сторублевые банкноты. Не верьте другому. Это в поговорке «не имей сто рублей», а в жизни все иначе. Богатство – основа счастья мужчины. Его сила и гордость. Накопить трудно, но еще труднее сохранить. Понимаете, о чем я?

Нет, не понимал Ванзаров. Не было у него богатства, копить не собирался, а тем более сберегать. Да и какое богатство в полиции. Закон и порядок, да и только.

⁶ «Скупой рыцарь. Маленькие трагедии», А.С. Пушкин.

– Так вот... Пришло такое время, когда думать мне надо, что дальше будет, кому состояние передать. И вот тут...

Дверь распахнулась, пропуская беззаботный вихрь. С радостным криком в кабинет ворвался мальчик в коротких штанишках и бархатной курточке. За ним неторопливо вошла девочка, на вид постарше. Нянька осталась за порогом, не решаясь войти. Малыш устроился на коленях Сундукова и заявил, что у него важное дело. В мгновение Филипп Филиппович растаял леденцом, превратившись в нежно любящего отца. Потрепал курчавую головку, погладил по спинке и прислушался.

– Папа, папа! Мальчишки деревенские шоколаду не пробовали! Вот смешные! Давай куплю! Я им обещал! – лепетал ребенок, тяжело дыша, словно бежал издалека. Причина была не в спешке. Синева губ и темные круги вокруг глаз говорили о беспорядке с маленьким сердечком.

Сундуков вынул пухлое портмоне и, не глядя, сунул купюру. Ванзаров невольно отметил: четвертная⁷. Жалованье простого рабочего за месяц.

Сын порывисто обнял батюшку за бычью шею, чмокнул и заспешил к двери. Девочка, выжидавшая в стороне, подошла и очень строго для ребенка ее лет заявила:

– Папенька, я собрала с няней малину, продала дачникам. Заработала рубль. Вот... – Она показала монету.

– Умница, иди играй. Видишь, у меня разговор важный.

⁷ 25 рублей.

Ступай.

Спрятав денежку, дочка поклонилась и пошла за братом. На него походила общими чертами сундуковской породы.

– Вот ради кого стараюсь! – светился гордостью отец.

Тут следовало ввернуть комплимент, но Ванзаров не умел хвалить детей.

– Сынок мой драгоценный, Альбертик, наследник мой, надежда и опора моя. Будущий хозяин всего. Понимаете?

Чиновник полиции решительно не понимал. В первую очередь, зачем он понадобился. Он терпеливо молчал, что всегда вызывает уважение в собеседнике. Оценив столь глубокую мудрость, Филипп Филиппович передвинулся ближе, словно теперь начнется самое важное:

– Скажу начистоту. В воскресенье у Альбертика день рождения, исполнится шесть лет герою моему. Так что приготовил подарок: объявлю, что составил духовное⁸, в котором назначаю его единственным наследником всего...

Ванзаров успел подумать: такой подарок ребенок вряд ли оценит.

Любящий отец продолжил:

– Поздравить Альбертика придут наши родственнички, негодяи и подлецы отменные, все как на подбор, да вы сами увидите. Так вот, мне надобно за ними присмотреть...

– Нанимаете охранником? – ледяным тоном спросил Ванзаров.

⁸ Завещание частного лица.

Сундуков скривился, дескать, не думал так низко использовать столь значительную персону:

– Была бы нужна охрана – роту стражников выписал бы. Мне мозги ваши нужны и умение анализировать.

– Как полагаете их использовать?

– Побудете с нами, присмотритесь, послушаете, выводы сообщите. Мне сказали: в людях тонко разбираетесь. Лучший сыщик в сыскной. Разве не так?

Что поделатъ, слаб человек на лесть. Ванзаров не был исключением. Поддалось что-то у него в душе на доброе слово. Он спросил, в чем причина такого поручения.

Филипп Филиппович заметно помрачнел:

– Чувство у меня появилось нехорошее. Чутью своему верю слепо, иначе бы ничего не достиг. Затевается что-то против Альбертика моего, сердцем отцовским чую. Зла ему желают. Кто эта гадина – не знаю. Потому и прошу разгадать, откуда может беда грозить.

– Подозреваете кого-то конкретного?

– Если бы знал, не стал беспокоить.

– Обязан спросить: подозреваете, что ребенка могут убить?

Сундуков глянул так, что у Ванзарова засосало под ложечкой.

– Пусть попробуют, в порошок сотру...

– Трудно предположить вред, который могут причинить пятилетнему ребенку в вашем доме.

– Понимаю. Поверить нелегко. Фактов у меня нет, какие вы у себя в полиции любите. Факты не нужны. Я сердцем чувую. Разберитесь, нащупайте, откуда может ветер дунуть. А если скажете, что пустые твои тревоги, Филипп, то и слава богу.

В обязанности полиции входит предупреждать преступления. Но здесь даже не пахло преступлением. Скорее всего, чистейшая ерунда, страхи любящего отца. Или Сундуков что-то недоговаривает? Стоит ли тратить драгоценные выходные, чтобы следить за его родственниками?

Пока Ванзаров пытался выбрать между любопытством и ленью, Сундуков отошел и вернулся с пачкой новеньких десятирублевых, перетянутых банковской ленточкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.